

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра английской филологии и перевода

БЕРЕЗНИКОВА Екатерина Николаевна

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В
СОВРЕМЕННОЙ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ

Магистерская диссертация

Научный руководитель

д.ф.н., проф. Лапшина М. Н.

Санкт-Петербург

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Современная лингвистика значительное внимание уделяет исследованиям в области терминологии. Особый интерес представляет её теоретическое и практическое изучение с точки зрения переводоведения. Сегодня в терминологии наблюдаются такие явления, как банализация и детерминологизация специальной лексики, что приводит к её проникновению в общелитературный язык, в частности, в ораторскую речь. Таким образом, термины всё чаще становятся источником трудностей в работе не только письменного, но и устного переводчика.

Данная диссертация посвящена исследованию способов передачи терминологической лексики в устном переводе. *Объектом* настоящей диссертации является терминологическая лексика, используемая в современной ораторской речи. *Предметом исследования* являются способы передачи терминологической лексики при устном синхронном переводе.

Актуальность данной работы определяется необходимостью поиска эффективных способов передачи терминологической лексики в синхронном переводе. *Новизна* исследования состоит в том, что терминология недостаточно подробно изучена с точки зрения устного перевода. Проблема перевода специальной лексики чаще всего рассматривается в контексте письменного перевода, поэтому не учитываются особенности ситуации синхронного перевода и не анализируются стратегии, применяемые синхронистами для передачи терминологической лексики.

Целью работы является оценка успешности стратегий передачи терминологической лексики при устном синхронном переводе.

В связи с поставленной целью можно выделить следующие *задачи*:

- дать определение термина как единицы языка для специальных целей;
- сравнить понятия терминологической и переводческой эквивалентности;
- рассмотреть способы передачи терминологической лексики при синхронном переводе ораторской речи;
- выявить наиболее успешные стратегии передачи терминологической лексики при устном переводе.

Материалом для исследования послужила терминологическая лексика в выступлениях различной тематики и в их устных переводах на английском и русском языках. Всего проанализировано 15 выступлений, из которых методом сплошной выборки извлечено около 500 сегментов для перевода в направлении русский-английский и около 400 сегментов – в направлении английский-русский.

При изучении собранного материала применялись следующие *методы исследования*: метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод анализа дефиниций, метод семантического анализа и метод переводоведческого анализа.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения.

Глава 1. Термины в переводе

1. Термин как особый тип лексической единицы

1.1. Термин как единица языка для специальных целей

1.1.1. Определение термина

В лингвистике и в терминологии не существует единого понимания термина, равно как и его полного и чёткого определения. В общей теории терминологии термину даётся следующее определение:

Термин – это «специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляемое в особых условиях», «словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определённой области профессиональных знаний», «основной понятийный элемент языка для специальных целей» (Суперанская 2012 : 14). Связь между термином и понятием условна, в отличие от слов общей лексики, условна (Суперанская 2012).

Термин существует в рамках языка для специальных целей (англ. *language for special purposes, LSP*), особой «полуавтономной, комплексной семиотической системы» (Sager 1990), основанной на общелитературном языке, используемой для профессионального общения в определённой сфере знаний.

Граница языков для специальных целей и общелитературного языка определяется, исходя из трёх основных параметров: тематики, типа пользователей и типа коммуникативной ситуации. Специальные тематики не входят в сферу общих знаний носителей языка, они являются объектом специальных знаний, принадлежащих профессионалам определённой области. Создателями сообщений в языках для специальных целей всегда являются эксперты в данной области знаний, в то время как получателями сообщений могут быть как специалисты, так и широкая публика. Основные различия между языками для специальных целей и общелитературным языком обнаруживаются на уровне лексического состава текстов: в

специальных текстах чаще встречаются лексические единицы с греко-латинскими компонентами, аббревиатуры и символы, отглагольные существительные. Также для специальных текстов типичны прямолинейные структуры без сложных подчинительных связей (Cabre 1999).

Языки для специальных целей, в отличие от общелитературного языка, более системны в принципах наименования и следуют определённым правилам при наименовании понятий. Если в общелитературном языке традиционно широко используются метафоры, полисемия и определения-прилагательные, то LSP стремится использовать параллельные конструкции при наименовании связанных друг с другом понятий (Sager 1990).

Хотя специальная лексика (лексика LSP, терминологическая лексика) составляет одну из частей словарного состава языка, она вторична по отношению к общей лексике; она ориентирована на «искусственно выделяемые объекты и конструируемые понятия» и является результатом вмешательства человека в естественное развитие языка (Суперанская 2012 : 26). Значение термину «приписывается в соответствующей системе с помощью дефиниции» в ходе специального акта «наименования или переименования» и «не может быть понято вне системы» (Суперанская 2012 : 39).

Термин систематически находится в состоянии непрерывного изменения в связи с изменением уровня научных знаний, возникновением новых школ, заменой менее удачных терминов на более адекватные (Суперанская 2012). Согласно новейшим определениям, термин в процессе является «динамическим явлением, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции)» (Лейчик 2009 : 21).

1.1.2. Требования к термину

Практически каждый исследователь в области терминологии предлагает собственные требования к термину, и их разнообразие отражает разнообразие подходов к пониманию терминов. Данный вопрос подробно рассматривается в работах Д. С. Лотте, А. А. Реформатского, А. Вежбицкой,

В. М. Лейчика, С. Д. Шелова и других отечественных учёных. Отдельные работ представляют собой обзоры наиболее распространённых подходов к термину (Мелех 2004; Мякшин 2009).

В отличие от слов общей лексики, термин невозможно разложить на элементарные смыслы, компонентный анализ термина опирается на дефиницию термина, поскольку у него отсутствует единство плана выражения и плана содержания (Суперанская 2012 : 87). Термин можно разделить на терминологические элементы – выделяемые в составе термина неделимые компоненты, обозначающие входящие в значение термина понятия или признаки понятий (Лейчик 2009).

Термин характеризуется наличием интенции и экстенции. Под интенцией понимается совокупность характеристик, которые составляют понятие (ISO 1087-1). Интенция связана с «намерением выделить именуемый объект с максимальной степенью точности внутри определённого предметно-понятийного поля и дать ему наиболее подходящее название, отражающее какую-либо его характерную черту и согласующееся с системой наименований в данной области» (Суперанская 2012 : 123). Экстенция – это совокупность объектов, которым соответствует понятие (ISO 1087-1). Интенция и экстенция слова или термина обратно пропорциональны друг другу: чем больше интенция термина, тем меньше его экстенция. Можно провести соответствие между планами выражения и содержания термина и его интенцией и экстенцией. Плану выражения соответствует номинативная интенция термина, а плану содержания – его экстенция и семантическая интенция (Суперанская 2012).

Для терминов характерна «повышенная денотативная направленность», так как они «создаются для наименования специальных денотатов» (Суперанская 2012 : 33), искусственно конструируемых в процессе познания. Термины являются «образными именами понятий», необходимыми для их включения в систему научного знания, для них характерно доминирование связи «имя – понятие». Любая

терминологическая система является «продуктом рационального, искусственного создания специалистов» (Суперанская 2012 : 34).

Определению термина всегда сопутствует ряд требований к слову/ словосочетанию/ выражению, позволяющих отличить его от лексических единиц общего языка. Например, согласно М. В. Умеровой, термин «характеризуется ясностью, однозначностью, апробированностью практикой, самообъяснимостью, экономичностью выражения, экспрессивной нейтральностью, отсутствием коннотации.., а также правилом – “одно понятие – один термин” (Умерова 2009 : 560). Однако, Л. А. Пекарская справедливо отмечает, что «значительная часть реально функционирующей терминологии этим требованиям не отвечает, но тем не менее продолжает обслуживать соответствующие отрасли знания» (Пекарская 1981 : 28). В большинстве случаев, требования к термину носят прескриптивный и несколько идеализированный характер и мало подходят для характеристики реально существующих в языке и употребляемых терминологических единиц. Наиболее подробный перечень требований, предъявляемых к терминам, представлен у Сагера (Sager 1990):

1. Логическая связь с понятием
2. Систематичность
3. Следование основным правилам словообразования
4. Возможность образования производных
5. Отсутствие плеоназмов
6. Краткость и релевантность информации
7. Отсутствие синонимов
8. Отсутствие морфологических вариантов
9. Отсутствие омонимов
10. Моносемия
11. Точность содержания

12. Независимость от контекста

В рамках классической теории терминологии одним из ключевых положений является моносемичность и унивокативность термина: одному термину соответствует одно понятие, одному понятию – один термин. В то же время, приемлемым оказывается положение о том, что один и тот же термин может иметь несколько значений, принадлежащих различным сферам/ терминологиям, то есть полисемия рассматривается как омонимия (Sager 1990). Однако, как справедливо отмечает Тереза Кабре, на практике часто наблюдаются ситуации, когда одной языковой форме в рамках одной дисциплины/ научной сферы соответствуют несколько значений. Омонимы возникают в случае заимствования по аналогии термина из одной специальной области в другую (Cabre 1999). И. В. Арнольд и А. А. Реформатский также отмечают идеализированность требования к моносемии термина (Арнольд 2012; Реформатский 2005).

Сагер допускает и наличие у терминов синонимов, среди которых один является основным способом наименования понятия, а другие считаются вариантами, употребление которых может быть обусловлено контекстом и другими условиями (Sager 1990). В узком смысле под синонимами в терминологии понимаются «семантически эквивалентные единицы, принадлежащие одному этапу исторического развития языка и одному формальному регистру» (Cabre 1999 : 110). Большинство синонимов эквивалентны в лингвистическом смысле, однако различны в прагматическом, например, принадлежат к разным регистрам языка: термин и его популярное или диалектное название (Cabre 1999). Синонимия также проявляется в парах терминов, один из которых является заимствованным, а другой созданным с помощью средств языка (Лейчик 2009 : 108).

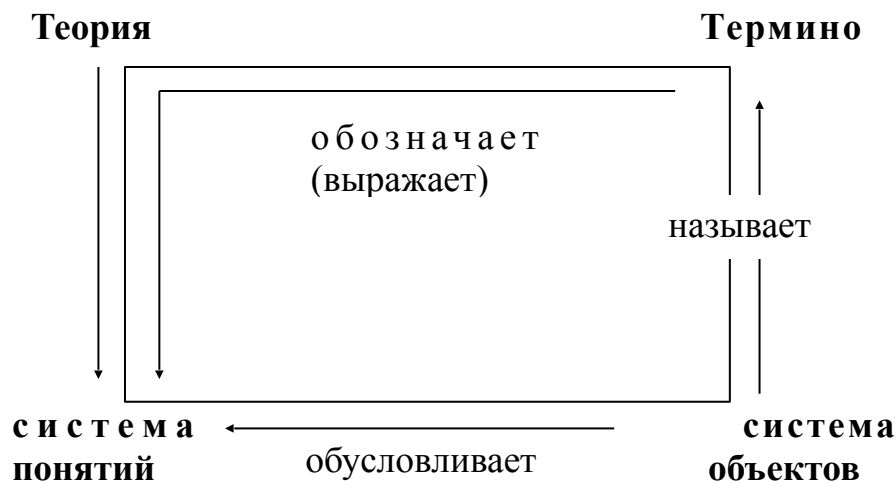
А. Бенжуан предлагает рассматривать понятия «моносемии» и «унивокативности» в зависимости от типов терминологии. Он выделяет «ономасиологическую терминологию», терминологию номинации (*terminologie onomaséologique, terminologie de la dénomination*), главная задача

которой состоит в номинации понятий, и описательную, «семасиологическую» терминологию (*terminologie de l'inventaire*), занимающуюся описанием, инвентаризацией, иерархизацией существующих терминов. В терминологии первого типа нет места понятию моносемии, а под унивокативностью следует понимать соответствие одного смысла (понятия) «одной единственной форме, которая бы не использовалась уже в языке для обозначения другого понятия, настолько близкого, что это угрожало бы эффективности коммуникации» (Véjoint 1989 : 408). Моносемия термина наблюдается только при семасиологическом подходе, при анализе случаев употребления термина в речи: у терминов, в отличие от слов общей лексики, наблюдается больше случаев, когда «одна и та же форма соответствует одному и тому и тому же смыслу» (Véjoint 1989 : 409).

Суперанская и др. (Суперанская 2012) подчёркивают искусственность термина как одну из его важнейших особенностей. Искусственность термина поддерживается его связью с понятием определённой области знания и вхождением его в терминологическое поле, в границах которого все термины данной области знания связаны между собой в строгую систему.

В. М. Лейчик полагает, что современное языкознание опровергает положение о том, что термин является «особым словом» (Лейчик 1971); термином может стать любое слово, о чём свидетельствуют происходящие в языке процессы терминологизации и детерминологизации. Скорее, следует говорить о «лексической единице, обладающей признаками термина», о термине как функции, при этом лексическая единица языка является «субстратом термина». Термин можно представить как «сложную трёхслойную единицу того или иного языка для специальных целей». Термины обладают всеми формальными и семантическими признаками слов естественного языка, они функционируют как термины только в границах языка для специальных целей, где обозначают специальные понятия (Лейчик 2009 : 30-32).

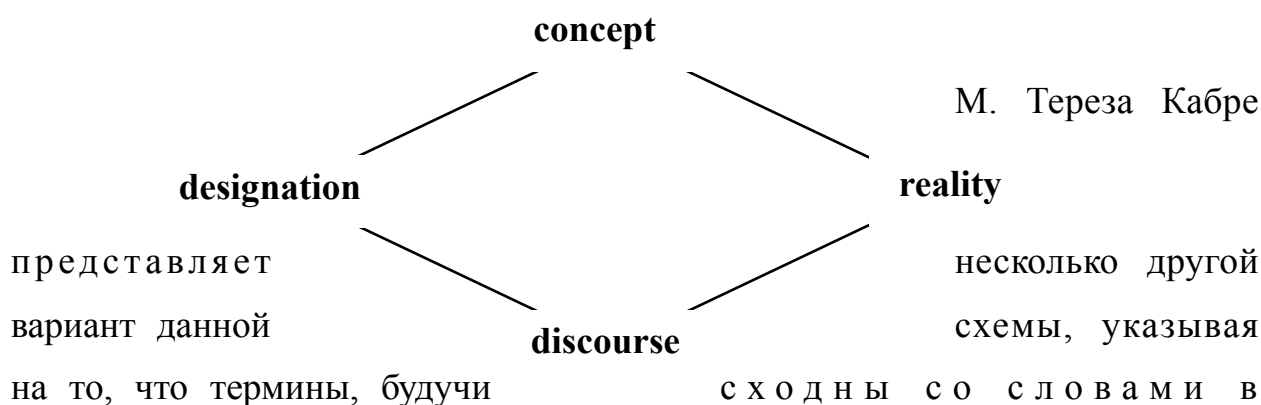
Одним из обязательных признаков термина считается наличие у него чёткой дефиниции. Дефиниция – это «лингвистическое/ языковое описание понятия, основанное на перечислении ряда характеристик, передающих значение понятия» (Sager 1990 : 39). Дефиниция необходима для закрепления соотношения «термин – понятие», идентификации термина или объяснения его значения профессионалам, пользующимся терминологическими базами (переводчикам, специалистам в определённых областях), а также непрофессионалам (Sager 1990). Большинство лингвистов считают научную дефиницию одним из основных признаков термина, М. В. Умерова рассматривает её как «абсолютный семантический показатель термина, выражение его специфики», определяющий отношения термина с другими терминами в терминологической системе (Умерова 2009 : 562). На необходимости дефиниции также настаивают В. П. Даниленко (1993) и Т. Л. Канделаки (1970). В то же время, С. Д. Шелов считает дефиницию достаточным, но не необходимым признаком термина, связанным с самой его природой: «будучи специальным или неспециальным обозначающим (знаком), термин вводит некоторое неизвестное (или недостаточно известное) понятие и потому нуждается в каком-то его определении (толковании, объяснении)» (Шелов 2010 : 796).

1.2. Терминология как сфера существования термина

В рамках данной работы, нас будет особенно интересовать терминология как организованная «системой понятий определённой теории»,

в рамках которой существует термин как таковой. К. Я. Авербух утверждает, что «термин существует лишь постольку, поскольку является элементом этой системы [терминов]» (Авербух 2004). Поскольку понятие, обозначаемое термином, взаимосвязано с другими понятиями той же области и является «элементом системы понятий», термин взаимосвязан с другими терминами и является «элементом терминологической системы» (Лейчик 2009 : 25).

Терминосистема опосредует систему понятий, таким образом, семантический треугольник, описывающий взаимоотношения слова как знака с понятием и реальностью, превращается в четырёхугольник.

несколько другой схемы, указывая на то, что термины, будучи сходны со словами в семантическом и формальном аспекте, различаются в коммуникативном и прагматическом, поскольку термины называют понятия, принадлежащие к специальным дисциплинам и видам деятельности (Cabre 1999 : 80-81):

Терминология отражает «систему понятий определённой теории», следовательно, возможно «сосуществование нескольких эквивалентных теорий и... нескольких терминосистем, относящихся к одной специальной сфере» (Лейчик 2009 : 101).

В. М. Лейчик предлагает выделять два типа терминологий: терминологии, представляющие собой «стихийно складывающуюся (сложившуюся) совокупность терминов», и «сознательно... формируемые» совокупности терминов, которые он называет терминосистемами (Лейчик 2009 : 107).

Для формирования терминосистемы необходимо наличие чётко очерченной специальной области, системы общих понятий, достаточно строгой теории, описывающей данную область, и естественного языка и языка для специальных целей, единицы которого могли бы быть использованы для обозначения понятий данной области (Лейчик 2009). Терминосистеме характерна целостность и относительная устойчивость, структурированность и логичность; она представляет собой «языковую модель» определённой специальной области (Лейчик 2009 : 122). Терминосистема представляет собой более высокую степень организации лексических единиц, чем терминология.

Между понятиями внутри терминосистемы могут существовать отношения нескольких типов. *Родовые отношения*, устанавливающие принадлежность понятий к одной категории, внутри которой понятия расположены в иерархическом порядке в зависимости от их широты/ узости. *Партитивные отношения*, то есть отношения части и целого, характеризуют, в основном, сложные или многокомпонентные понятия. Существуют отношения между понятиями, связывающие, например, причину и следствие, процесс и метод, предмет и материал, материал и состояние (Sager 1990). Т. Кабре разделяет все возможные отношения между понятиями на два типа: *логические* (связанные со сходством понятий) и *онтологические* (связанные с близостью понятий во времени или пространстве) (Cabre 1999 : 44). К онтологическим отношениям относятся отношения части-целого, и цепные связи, основанные на временной связи объектов (причинно-следственные связи).

1.3. Современные тенденции в терминологии : детерминологизация

Согласно С. В. Луневой «все трансформации, происходящие внутри любой терминологии, неизбежно оказывают большое влияние и сказываются

на состоянии данной специализированной лексики» (Багиян 2014 : 28; Лулева 1996).

Как было отмечено, большая часть теорий и концепций «классической терминологии» основана на установлении различия, противопоставлении термина и слова, терминологии и лексикологии, терминографии и лексикографии. Тем не менее, существует и противоположная тенденция, стремящаяся сблизить термины и слова общей лексики, выделяя у них ряд общих черт. Термин имеет многие сходные со словом характеристики: это целое, имеющее «фонетическую и графическую форму», то есть звуковую оболочку, изображаемую на письме знаками определённого языка, «простую или сложную морфологическую структуру, грамматические особенности и значение, описывающее класс, к которому принадлежит конкретный объект» (Sabre 1999 : 35). Определения термина различных авторов, проанализированные у Шелова (2010) и Багияна (2014), описывают термин как слово/ словосочетание/ лексическую единицу/ языковой знак, обладающую дополнительными функциями/ характеристиками по сравнению с общеупотребительными словами.

Для В. Н. Багияна противопоставление «термин – слово» основывается на противопоставлении научного и обыденного знания. Если первое представляет собой сознательную деятельность «по выработке, систематизации и проверки знаний» (Багиян 2014 : 29), то второе характеризуется спонтанностью, выраженной практической направленностью и субъективностью. Продуктом данных типов мышления являются, соответственно, научное понятие и представление («обобщённый, чувственно-наглядный образ предмета»). Вместе с тем, важно помнить, что научное мышление неразрывно связано с обыденным знанием, чёткая граница между ними отсутствует, в связи с чем отсутствует и строгая граница между специальной и общеупотребительной лексикой, что приводит к их постоянному обмену и взаимодействию.

«Механизм обмена между общеупотребительной и специальной лексикой, при котором происходит утрата термином конститутивных свойств в связи с его выходом за пределы терминологической системы и превращением в общеупотребительное слово» называется детерминологизацией (Багиян 2014 : 28). Детерминологизация «влечёт за собой потерю термином научной точности, а также расширение сферы его реализации» (Там же). Этот феномен вызван как экстралингвистическими (рост всеобщей информированности общества и уровня образования, демократизация, мода на интеллектуализацию высказывания, быстрое развитие науки и техники), так и интралингвистическими (реализация закона языковой экономии, смещение экстензии термина) причинами (Там же). Широкое распространение средств коммуникации и демократизация науки также приводят к всё большему употреблению терминов неспециалистами (Cabre 1994). Тереза Кабре называет данное явление «банализацией терминологии» (Cabre 1994 : 595).

А.Туарон утверждает, что, несмотря на то, что термин обыкновенно рассматривается как «этикетка» для понятия, помимо денотативного значения, многие термины могут также накапливать коннотативное значение (Thoiron, Véjoint 2010) Невозможно говорить о существовании универсальных понятий, потому что многие термины, как и слова общей лексики, специфичны для определённого языкового сообщества.

2. Переводческая эквивалентность

2.1. Поиск определения переводческой эквивалентности

Вопрос о переводческой эквивалентности является одним из основных вопросов современной теории перевода, так как он связан с главным вопросом переводоведения: возможностью перевода как такового и, следовательно, возможностью существования переводоведения как отдельной самостоятельной науки.

Энтони Пим в одной из своих статей, посвящённых вопросу эквивалентности (Pym 1995), предлагает обзор основных этапов развития переводоведения и понятия эквивалентности. Первоначальное отрицание перевода (например, со стороны структурной лингвистики) основывалось на утверждении о том, что каждый язык по-разному делит и отображает реальность. Противники этой позиции оттапливались прежде всего от того факта, что переводы существуют в реальности и успешно способствуют коммуникации людей, принадлежащих к различным языковым сообществам. Соответственно, должна существовать эквивалентность.

Некоторые лингвисты определяют эквивалентность как неотъемлемую черту перевода, автоматически появляющуюся при его осуществлении и не зависящую от лингвистических и эстетических качеств перевода. К ним относится, например теория исторического дескриптивизма Тури (Pym 1995).

Большинство же исследователей в области переводоведения выделяют эквивалентность как одно из положительных качеств переводного текста и одну из задач, стоящих перед переводчиком.

Понятие эквивалентности включено практически во все определения понятия «перевод», хотя сама эквивалентность всегда определяется различно. В. Н. Комиссаров (Комиссаров 2011) выделяет три различных подхода к определению эквивалентности. Первый из них воспринимает эквивалентность как тождественность, наиболее полное сохранение содержания оригинала в переводе. Второй подход направлен на поиск некой инвариантной части текста, к сохранению которой необходимо стремиться в переводе. Такой подход к понятию эквивалентности отмечаем у Бархударова (Бархударов 1975). Он подчёркивает необходимость сохранения плана содержания оригинального текста при переводе, отмечая, тем не менее, что в процессе перевода неизбежны смысловые потери, поэтому эквивалентность не может быть абсолютной. Переводчика интересует эквивалентность «не отдельных слов и даже не изолированных предложений, но всего

переводимого текста (речевого произведения) в целом по отношению ко всему тексту перевода» (Бархударов 1975 : 15).

Третий подход – эмпирический – позволяет определить, что эквивалентность состоит в сохранении цели коммуникации – речевой функции высказывания, которая определяется исходя из шести компонентов, предложенных Р. Якобсоном: отправителя сообщения, его адресата, референта, канала связи и формы самого сообщения. В зависимости от доминирования какого-либо из компонентов, высказывание приобретает определённую функцию, например, ориентация на отправителя сообщения создаёт эмотивную функцию. Наибольшей эквивалентностью обладают переводы, дословно передающие оригинальный текст. Количество таких переводов ограничено, из-за несовпадения компонентов денотативного и коннотативного значений слов в различных языках.

Наиболее подробная теория *семантической эквивалентности* разработана А. Д. Швейцером (Швейцер 1988). Он выделяет три уровня эквивалентности: *семантическую, синтаксическую и прагматическую*. Семантическая эквивалентность подразделяется на *компонентную* и *референциальную*. При компонентной эквивалентности сохраняется набор сем, использованный для описания определённой ситуации, при этом происходят преобразования на уровне формально-структурных средств выражения. При референциальной эквивалентности изменяется также набор сем, однако поддерживается «инвариантность референциального смысла», то есть высказывания на разных языках, отличаясь семантически, описывают одну и ту же ситуацию (Швейцер 1988, 85). В прагматическую эквивалентность (высший уровень в иерархии эквивалентности) входят коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата. Описанные выше виды эквивалентности Швейцер объединяет в группу *семиотической эквивалентности*, предлагая также *функциональную типологию эквивалентности*, основанную, как и классификация Комиссарова (Комиссаров 2011), на речевых функциях, сформулированных

Р. Якобсоном (Якобсон 1966). В рамках функциональной модели эквивалентности также доминируют прагматические факторы.

Ю. Найда определяет перевод как «воспроизведение на языке получателя ближайшего естественного эквивалента сообщения на языке оригинала, во-первых, в отношении значения и, во-вторых, в стилистическом отношении» (Nida 1982 : 12). Найда подчёркивает важность того, чтобы переводчик стремился к поиску «естественного эквивалента», а не дословной передаче исходного сообщения. Основным приоритет отдаётся сохранению значения. Найда выработал понятие «динамической эквивалентности» (*dynamic equivalence*), которая более предпочтительна при переводе, чем «формальное соответствие» (*formal correspondence*). Динамическая эквивалентность определяется степенью схожести реакции получателей оригинального сообщения и реакции получателей переводного сообщения. В связи с существующими культурными и историческими различиями они никогда не будут идентичны, однако хороший перевод характеризуется, высокой степенью соответствия (эквивалентности) этих реакций.

Дж. Хаус предлагает функционально-прагматическую модель оценки перевода, основанную на системно-функциональном подходе Халлидея и идеях Пражской лингвистической школы касательно прагматики и теории речевых актов. Оригинальный и переводной тексты сравниваются на трёх уровнях: язык/текст (*Language/ Text*), регистр (*Register*) и жанр (*Genre*). Таким образом, эквивалентность не является абсолютной величиной, она складывается из нескольких факторов и «не существует вне контекста» (House 2001, 247). Контекст ситуации (*Register*) складывается из нескольких составляющих: поля, способа и тенора (*Field, Mode and Tenor*). «Поле» включает в себя вид социальной деятельности или тематику, конкретность или обобщённость значения лексических единиц. «Тенор» связан с особенностями участников коммуникации, их социальным положением и эмоциональным состоянием. «Способ» – это метод передачи

информации, а также степень участия создателя и получателя сообщения. «Регистр» определяет место конкретного текста в микроконтексте ситуации, «жанр» – в макроконтексте языкового и культурного сообщества.

Для передачи смысла необходимо установить, связан ли он с конкретной языковой системой. А. Мелби утверждает, что каждый язык обладает собственной системой смыслов, между ними могут устанавливаться соответствия либо в виде генерализаций, либо в виде эквивалентов, имеющих силу только в конкретном контексте. Перевод возможен, поскольку в различных языковых сообществах развиваются сходные категории мышления в результате общего опыта. Мелби, так же как и Хаус, выделяет различные уровни эквивалентности, приоритет которых устанавливается в зависимости от типа текста. В качестве параметров Мелби выделяет «регистр, время, диалект, естественность, место, культуру, формат, логическое содержание и структуру» (Melby 1990 : 211). Степень соответствия переводного текста оригиналу будет определяться теми параметрами, на которые будет ориентироваться переводчик, соответственно, в зависимости от специфики переводческого задания, возможно существование нескольких переводов одного и того же сообщения.

В современном переводоведении развивается всё больше теорий, рассматривающий перевод не как поиск статичных эквивалентов, а как прагматическое явление, на которое оказывают влияние «динамические экстралингвистические факторы» (Roberts, Pergnier 1987 : 392). Под понятием смысла в переводоведении понимают и обозначаемое, то есть семантическое значение знака внутри языковой системы, и собственно смысл, «семантическую значимость, приобретаемую языковым знаком (или группой знаков) в данной ситуации» (Roberts, Pergnier 1987 : 393). Большинство единиц различных языков неэквивалентны на уровне обозначаемых, поскольку большинство из них полисемичны. Различные значения знака, обладающего полисемией, сгруппированы вокруг одной смысловой оси, которая связывает их между собой. Робер и Пернье называют её

минимальным семантическим признаком (*trait sémantique minimale/signification*) и признают невозможность её сохранения при переводе. Перевод, подчёркивают они, имеет дело с цельным сообщением, то есть со «словами, вписанными в глобальный контекст речи», в ситуацию (Roberts, Pergnier 1987 : 395). Каждая ситуация создания сообщения может быть охарактеризована по четырём параметрам: говорящий, предмет, адресат и вектор (пространственно-временные условия); их должен учитывать переводчик при передаче смысла. Абсолютная эквивалентность – это идеал, недостижимый при переводе из-за смены параметров ситуации, для каждого типа текста важность учитываемых параметров будет варьироваться. Эквивалентность должна стремиться к воспроизведению функции оригинального текста.

Лотфипур-Саэди (Lotfipur-Saedi 1990) предлагает оценивать эквивалентность с точки зрения лексики, структуры предложения и текста, фразового смысла (в противоположность смыслу высказывания), вариативности языка, эстетического эффекта и когнитивного эффекта. На уровне лексики необходимо учитывать как денотативное, так и коннотативное значение единицы языка. Помимо этого, важны «коллокативное значение» (связи единиц языка в тексте), «контрастивное, или парадигматическое значение», (семантические отношения с другими элементами семантического поля), «стилистическое значение» (отношение между собеседниками), и «имплицативное значение (Lotfipur-Saedi 1990 : 390-392). В «структуре текста» выделяются тема-рематическое членение предложения, текстуальная когезия (связь между элементами текста – грамматическая, лексическая или соединительная), схематическая структура текста и некоторые паралингвистические признаки (пунктуация, интонация, курсив). Когнитивный эффект связан с адресатом сообщения и влиянием на его мыслительные процессы. Эстетический эффект проявляется при использовании в тексте литературных структур. Все перечисленные элементы

принимают участие при создании переводческого эквивалента, и не могут рассматриваться отдельно.

Некоторые учёные, например Л. Тэк, предлагают сдвинуть фокус переводоведения с понятия эквивалентности. Тэк разделяет перевод на лингвистические и социолингвистические аспекты и именно в социальном различии он видит причину и источник существования перевода. Переводной текст всегда связан с оригиналом на двух уровнях: он связан с миром, который описывает оригинальный текст, и с самим текстом. Текст каждый раз заново «конструируется» в сознании переводчика, поэтому перевод не сводится к простой операции перекодирования. Эквивалентность перевода и сам перевод диалектичны, они расположены на оси, с одной стороны которой представлено стремление к достижению эквивалентности переводного текста, с другой – существование неискоренимых различий в культуре, языке и социальном устройстве отдельных языковых сообществ (Task 2000).

Э. Пим классифицирует виды эквивалентности в зависимости от её природы, выделяя «естественную» эквивалентность (*natural equivalence*), уже существующую в языке, и «дирекциональную» эквивалентность (*directional equivalence*), создаваемую переводчиками в процессе перевода (Pym 2007). Он отмечает дирекциональную направленность большинства определений эквивалентности и отсутствие единого понимания о том, что именно должно быть эквивалентно. Естественная эквивалентность характеризуется двусторонностью, без необходимости выделения оригинала и перевода. Она редко встречается в языках в чистом виде, за исключением терминологий и специальной лексики, поскольку предполагает существование некоего знания, понятия, не принадлежащего ни одному из языков; при переводе переводчик движется от оригинала через это понятие к переводному тексту. В случае дирекциональной эквивалентности движение происходит прямо от оригинального текста к переводному. Тогда переводчик должен выбирать стратегию, ориентированную на формальное или функциональное соответствие переводного текста оригинальному.

Подобное понимание эквивалентности встречается и у Я. И. Рецкера, определяющего данное понятие как «постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» (Рецкер 2007 : 13). Он выделяет полные и частичные эквиваленты (в зависимости от того, полностью ли сохраняется значение слова) и абсолютные и относительные эквиваленты (в зависимости от совпадения дополнительных компонентов слова). При наличии у слова полисемии, ни одно из его значений нельзя считать эквивалентом, Рецкер называет их «вариантными соответствиями» (Рецкер 2007 : 16).

Обобщая представленные выше теории переводческой эквивалентности, можно выделить четыре основных уровня, на которых эквивалентность может достигаться при переводе: это лексический уровень (соответствие семантики отдельных лексических единиц), стилистический уровень, контекстуальный уровень (лингвистический контекст) и прагматический уровень (экстралингвистический контекст). Все эти уровни эквивалентности релевантны и для терминов и сохраняют важность для создания качественного перевода, однако они обращают основное внимание на передачу цельного сообщения, а не конкретных его элементов.

2.2. Терминологическая эквивалентность

2.2.1. Терминологическая эквивалентность как логическая связь между терминами

Переводоведение рассматривает понятие эквивалентности в достаточно широком смысле: применительно к любым типам языковых единиц и, во многом, по отношению к процессу перевода в целом. Эквивалентность приобретает новое, более узкое значение, если рассматривать в качестве единиц перевода термины. Тогда нас будет интересовать в первую очередь понятийное содержание термина, а не его дополнительные значения, коннотации, если таковые присутствуют (Артц 1993). Задача переводчика, таким образом, сужается, в большинстве случаев, до наиболее полной передачи смысла.

Возможно несколько различных подходов при изучении терминологической эквивалентности. А. В. Ачкасов выделяет два основных подхода к терминологической эквивалентности: логоцентрический и лексикоцентрический. В рамках первого подхода, представленного, например, в стандартах Международной организации по стандартизации (ISO), эквивалентность определяется как исключительно логическое понятие, эквивалентными считаются термины разных языков, называющие одно и то же понятие. Подобная эквивалентность, однако, не формируется в языках естественным путём, а образуется в процессе гармонизации терминологии. При этом данный подход допускает наличие формальной вариативности и синонимии «при условии однозначности референции в каждом случае» (Ачкасов 2013).

Лексикоцентрический подход традиционно используется в дескриптивной терминографии и переводе. Он основан на понимании термина как вида лексической единицы, которой свойственны основные качества общеупотребительной лексики, что даёт возможность сопоставить терминологическую эквивалентность с лексической, которая только в исключительных случаях бывает полной, поскольку не существует полностью моносемичных и моносимных общеупотребительных слов, а разные языки по-разному членят действительность, что выражается в несовпадении понятийных систем разных языков. (Именно эта идея лежала в основе самых ранних теорий, утверждавших невозможность перевода как такового). В рамках лексической семантики терминологическую эквивалентность можно было бы определить как «наличие у двух и более лексических единиц разных языков одного и того же или сходных терминологических значений» (Ачкасов 2013).

Международный стандарт ISO различает четыре вида соотношения понятий различных языков с целью разработки принципов их гармонизации:

1. *Идентичные понятия (Identical concepts)* – понятия, полностью совпадающие по объёму и не требующие гармонизации;

2. *Частично пересекающиеся понятия (Partially overlapping concepts)* – понятия, имеющие различия в объёме; различия между ними могут быть незначительными – можно рассматривать их как одно понятие, имеющее в каждом языке определённые особенности;
3. *Понятия, существующие в одной понятийной системе и отсутствующие в другой (Concepts which exist in one concept system but not in another)*;
4. *Одно понятие в одной понятийной системе, соответствующее более чем одному понятию в другой понятийной системе (Single concepts in a concept system which correspond to two or more concepts in another) (ISO 860).*

Р. Арнтц (Arntz 1993) выделяет похожие уровни эквивалентности терминов:

1. Полная понятийная эквивалентность, имеющая формы one : one, one : many, many : many;
2. Частичное пересечение понятий, в некоторых случаях допускающая, а в некоторых не допускающая корреляцию терминов;
3. Включение одного термина в объём значения другого термина;
4. Отсутствие терминологической эквивалентности.

В последнем случае, в условиях отсутствия определённого понятия и называющего его термина, переводчику доступен ряд приёмов, направленных на подбор или создание *переводческого* эквивалента, который в дальнейшем может стать регулярным терминологическим эквивалентом для рассматриваемого термина.

Несмотря на то, что применительно к терминам традиционно рассматривается лишь их понятийная эквивалентность, т.е. логические отношения между понятиями LSP, которые эти термины называют, и многие исследователи подчёркивают важность эмоциональной нейтральности термина (Savory 1967 : 112), невозможно отрицать наличие у термина также стилистического компонента, в особенности в условиях детерминологизации и постоянно растущей терминологической синонимии. Так, М. Н. Лапшина

указывает на необходимость учитывать, помимо «формально-лингвистической» эквивалентности, так «социокультурную» и «концептуальную» эквивалентность (Лапшина 2016). В статье, посвящённой использованию параллельных текстов для преодоления стилистической неадекватности перевода, М. Н. Лапшина анализирует терминологические пары, состоящие из технического термина и его «облегчённого» синонима, принадлежащего к нейтральной лексике. Сосуществование двух синонимов обусловлено различными сферами их применения – различными дискурсами. При отсутствии подобной структуры в ПЯ возникает стилистическая лакуна и, как следствие, ещё один случай терминологической неэквивалентности.

2.2.2. Перевод терминов

А. В. Ачкасов отмечает условность выражения «перевод терминов». Термин нельзя «перевести», можно лишь подобрать «перечень лексических эквивалентов этого слова и их дефиниций, отражающих набор значений исходной единицы» (Ачкасов 2013). Учитывая желательную, хотя и не всегда достижимую однозначность термина и, как результат, – его независимость от контекста, логично было бы представить процесс перевода терминов как «процедуру обнаружения идентичного понятия в понятийной системе принимающего языка и лексического субстрата, закреплённого за этим понятием в качестве его наименования» (Ачкасов 2013 : 9). Таким образом, перевод терминов – это не создание оригинальных переводческих соответствий, а поиск уже существующих в языке соответствий.

В.М. Лейчик и С.Д. Шелов описывают три основных условия возможности перевода терминов:

- «правильный (адекватный) перевод отдельно взятых терминов определённого текста»;
- проверка каждого переводного термина с точки зрения терминосистем языка оригинала и языка перевода;
- учёт различий терминов, связанный «со спецификой передачи мысли» в каждом языке (Лейчик, Шелов : 40-41).

Авторы также различают несколько видов операций по подбору терминологического соответствия в языке перевода:

1. Поиск имеющегося в языке перевода эквивалента термина;
2. «Семантическая конвергенция» – создание нового значения у существующего в языке перевода слова или словосочетания под воздействием оригинального термина;
3. Калькирование: семантическое калькирование (поэлементный перевод) или структурное калькирование;
4. Заимствование термина;
5. Использование греко-латинских элементов (интернационализмов);
6. Описательный перевод (Там же: 44-56).

Заимствования терминов подробно изучены Д. С. Лотте, который выделяет несколько их типов: оригинальные (прямые) заимствования, термины из заимствованных элементов и переводные заимствования: буквальные (кальки) и трансформируемые (Лотте 1982). Автор также отмечает, что заимствованные термины часто «обрастают синонимами», способствующими их лучшему пониманию носителями языка; иногда такие синонимы со временем исчезают, иногда остаются, внося путаницу в терминологию.

А. В. Ачкасов предлагает также использование декомпозиционного перевода термина в качестве способа передачи термина, не имеющего эквивалента в языке перевода. Декомпозиционный перевод (decompositional translation) «представляет собой создание комбинации субстратов, не характеризующейся полисемией или омонимией в языке перевода, и, в то же время, мотивированной, то есть указывающей на дефинитивные признаки именуемого понятия», его можно назвать «вариантом краткой дефиниции» (Ачкасов 2013). Подобную стратегию описывает и Д. Жиль (Gile 1995) в отношении устного перевода и называет её транскодированием (transcoding).

За исключением первого пункта классификации Лейчика и Шелова, все названные выше способы передачи термина на иностранном языке можно считать способами собственно перевода термина, поскольку в этих ситуациях речь идёт не о подборе уже существующей единицы языка, а о создании нового соответствия, иногда также новой языковой единицы. Переводчик располагает приёмами, обычно используемыми для передачи различного типа безэквивалентных единиц (имён, названий, реалий, терминов). К уже перечисленным можно добавить транслитерацию/ транскрипцию (Казакова 2001) и создание полностью нового термина, лексическая форма которого не будет иметь значительной связи с формой оригинального термина.

2.3. Переводческие трансформации для передачи терминов

В связи с подтверждённой тесной связью между термином и словом общеупотребительного языка, логично предположить, что некоторые способы лексической передачи единиц языка могут быть также применены в отношении терминов. Подробный обзор основных подходов в типологии трансформаций приведён у Н. К. Гарбовского (Гарбовский 2004).

Рассмотрим ниже основные подходы к описанию и определению переводческих трансформаций на лексическом уровне с точки зрения их использования для передачи безэквивалентной терминологии.

Я. И. Рецкер делит все переводческие трансформации на лексические и грамматические и понимает лексические переводческие трансформации как «приёмы логического мышления», служащие для раскрытия значения иностранного слова в контексте. С точки зрения семантики, переводчик заменяет лексическую единицу ОЯ лексической единицей, реализующей нужную сему иностранного слова. В соответствии с данным подходом, можно выделить семь основных видов лексических трансформаций (Рецкер 2007 : 45): дифференциация значений, конкретизация значений, генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование и компенсация «потерь».

Следуя за В. Г. Гаком, Я. И. Рецкер выстраивает чёткую связь между лексическими трансформациями и формально-логическими отношениями между понятиями. Так, приёмы дифференциации, конкретизации и генерализации основываются на формально-логической категории подчинения. Именно эта категория кажется наиболее подходящей для передачи терминов, поскольку касается взаимоотношения между объёмами понятий, составляющего основу отношений между терминами в терминосистеме, т.е. родовых и видовых отношений. Формально-логическая категория скрещивания лежит в основе приёма смыслового развития, или «замены словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним», когда часть объёма одного понятия входит в объём другого понятия (Рецкер 2007 : 51).

В. Н. Комиссаров определяет существование трансформаций в пределах трансформационной грамматики, т.е. в связи с существованием в языке взаимосвязанных синтаксических структур. Среди них можно выделить ядерные структуры и производные структуры (трансформы). Ядерные структуры выступают в процессе перевода в качестве связующего звена между ОЯ и ПЯ (Комиссаров 2011). Переводческие трансформации делятся на три класса в зависимости от их природы: лексические, грамматические и лексико-грамматические. Среди формальных лексических трансформаций различают транскрипцию, транслитерацию и калькирование. К лексико-семантическим заменам, основанным на модификации значения языковых единиц, относятся конкретизация и модуляция (смысловое развитие). В особой группе трансформаций, затрагивающих как лексическую, так и синтаксическую структуры оригинала, находим, в частности, такой приём как описательный перевод, или замена единицы ИЯ словосочетанием, раскрывающим значение, что часто используется в отношении безэквивалентных терминов.

Л. С. Бархударов предлагает условное разделение всех возможных трансформаций на четыре основных группы: перестановки, замены,

добавления и опущения (Бархударов 2004). В рамках изучения перевода терминологии нас будут интересовать следующие группы трансформаций: лексические замены (языковая конкретизация (при отсутствии эквивалентной единицы в ПЯ), генерализация и причинно-следственная замена), добавления и опущения.

Н. К. Гарбовский справедливо отмечает, что большинство типологий трансформаций похожи по структуре: они опираются на различные уровни языковой системы (Гарбовский 2004). Сам автор предлагает построить новую классификацию, основанную на логико-семантических и семиотических категориях, на которых основывалась и теория переводческой эквивалентности. Согласно Н. К. Гарбовскому, «эквивалентный перевод — это тот, в котором все преобразования смыслов, заключённых в исходном сообщении, носят рациональный характер и не зависят непосредственно от воли переводчика» (Гарбовский 2004 : 389). Автор также подчёркивает важность рассмотрения каждого отдельного преобразования в интерпретирующей системе перевода в целом. Трансформации возможны на четырёх уровнях эквивалентности: прагматическом, денотативном, сигнификативном и синтаксическом. В целях данной работы особый интерес представляют трансформации на семантическом (сигнификативном) уровне, отражающие такие типы семантических отношений, как гипо-гиперонимия (генерализация, конкретизация, перифраза) и синонимия (дифференциация). Рассматривая переводческую трансформацию как «процесс преобразования смыслов» (Гарбовский 2004 : 417), Н. К. Гарбовский проводит параллель между логическими связями и семантическими преобразованиями, во многом опираясь на работу В. Г. Гака. Так, равнозначность соответствует синонимии, подчинение – расширению/ сужению, переименование – переносу и т.д.

В связи с тем, что данное исследование предполагает анализ преобразований для передачи иностранных терминов при устном переводе, именно логико-семантический подход, позволяющий проследить

отношения между элементами терминологии определённой специальной сферы, будет особенно эффективным.

2.4. Проблемы терминологии в устном переводе

Во многом в результате детерминологизации современная ораторская речь всё больше насыщается терминами. Если в специализированном контексте употребление терминологической лексики полностью оправдывается необходимостью донесения до слушателя специальных знаний, то в более широком контексте, в особенности, в политическом дискурсе, термины выполняют помимо информационной ещё и прагматическую функцию, а именно, дают аудитории понять, что оратор сам разбирается в данной теме, и повышают достоверность информации (Лапшина 2011 : 170).

Все описанные выше способы «передачи» иностранного термина, не имеющего соответствия на языке ПЯ, эффективны в той или иной мере, а создаваемые термины имеют различную судьбу в языке, однако в рамках данной работы не стоит забывать о том, что возможность использования их устными переводчиками непосредственно в процессе работы ограничена. Более того, Родригез и Шнелл отмечают, что, согласно исследованию Мюнхенского института иностранных языков и переводчиков, переводчики-синхронисты, в частности, практически не прибегают к современным терминологическим ресурсам (корпусам текстов, терминологическим базам, программному обеспечению для составления глоссариев), поскольку в этом нет необходимости, предлагаемые опции не соответствуют поставленной задаче, или данные решения неизвестны переводчикам (Rodriguez and Schnell 2009). Основная терминологическая работа приходится на стадию подготовки к устному переводу, когда переводчик, опираясь на материалы конференции, составляет глоссарий/ список терминов (Gile 1987; Rodriguez and Schnell 2009).

Родригез и Шнелл указывают, что согласно исследованию, проведённому в Болонье в 2002 году, чёткая передача основного значения сообщения для большинства переводчиков имеет приоритет над точным переводом терминов, в том числе и потому, что аудитория, воспринимающая выступление оратора через переводчика, обычно достаточно знакома со специальной областью и часто лучше, чем сам переводчик, ориентируется в её терминологии. Более того, Д. Жиль отмечает, что более свободный, по сравнению с письменным текстом, стиль языка позволяет использование не только официальных терминов, но и профессионального жаргона или ксенизмов (иностранных слов, заимствований) (Gile 1987). При этом, равно как и письменные переводчики, устные переводчики сталкиваются с проблемами отсутствия терминологических эквивалентов в ПЯ (и соответственно, отсутствия возможности найти такой эквивалент при подготовке), в связи с тем, что все языки по-разному членят реальность, все языки полисемичны, а различные научные и технологические сферы развиваются по-разному в разных странах (Gile 1985). В определённой степени, эта трудность компенсируется менее строгими требованиями к форме сообщения и наличием контекста, способствующего интерпретации.

Линн Виссон в пособии по синхронному переводу на примере политической терминологии описывает сложности, с которыми может столкнуться переводчик-синхронист, в частности, связанными с отсутствием определённых понятий языка оригинала в языке перевода, и предлагает ряд способов выхода из подобных трудных ситуаций: транслитерация, описательный перевод и так далее (Visson 1999 : 29-30). Помимо этого, рассматриваются трудности, вызванные нечётким совпадением интенции и экстенции терминов языка оригинала и языка перевода.

Сложности, связанные с терминологией, могут возникнуть в синхронном переводе как на стадии восприятия исходного сообщения (незнакомый термин, аббревиатура, шум), так и на стадии воспроизведения сообщения на ПЯ (незнание или отсутствие эквивалента, нехватка времени,

чтобы его вспомнить/ найти, внешние отвлекающие факторы, быстрый темп оратора и т.д.) (Gile 1985; Rodriguez and Schnell 2009). По мнению Д. Жилия, специальные термины более, чем другие единицы языка, подвержены влиянию шума (Gile 1985). При трудностях с передачей термина в конечном сообщении переводчик пользуется следующими приёмами: перифраз, гипероним, натурализация термина (фонологическое или морфологическое изменение исходного термина так, чтобы он звучал как будто термин языка ПЯ), точное фонологическое воспроизведение иностранного термина, обращение за помощью к коллеге или самостоятельный поиск в материалах (Rodriguez and Schnell 2009). Не все эти способы одинаково эффективны во любых ситуациях, так, техника натурализации работает лишь при определённых условиях: если терминологические системы языка оригинала и языка перевода похожи (как в английском и французском); если в данной специальной области производится большое число заимствований лексики; если существует вероятность того, что получатель перевода частично знаком с иностранной терминологией (Gile 1995). Д. Жиль также указывает на случаи опущения термина и его буквального перевода (см. переводные заимствования у Лотте 1982).

Важно отметить, что не все перечисленные варианты являются приемлемыми и тактически оправданными в любой ситуации; часто наблюдается смешанное использование переводчиком нескольких способов передачи термина. Выбор же переводчиком той или иной стратегии передачи термина определяется, по мнению Д. Жилия, тремя законами: законом наилучшей мгновенной передачи, законом наименьшей интерференции и законом наименьшего затрачиваемого усилия (Gile 1985 : 206).

Выводы по Главе 1

1. **Термин** – это лексическая единица языка для специальных целей, подъязыка, входящего в состав общелитературного языка и обслуживающего определённую сферу научной или профессиональной деятельности человека. Классическая терминология предъявляет определённые требования к термину: термин должен быть однозначен, краток, систематичен, не избыточен, не зависим от контекста, не может иметь синонимов, омонимов и морфологических вариантов. Однако в рамках дескриптивной терминологии термин сближается с общеупотребительным словом, становится функцией, которую может принять на себя любое слово языка в контексте, соответственно, может иметь стилистическую коннотацию.
2. Термины входят в состав **терминосистем**, описывающих понятийную систему конкретной специальной области. Внутри терминосистемы её элементы связаны между собой различными отношениями, которые образуют «контекст» для термина. Термин существует как таковой исключительно в рамках определённой терминосистемы.
3. Традиционно наилучшим способом передачи терминов при переводе является поиск **прямого терминологического эквивалента**. В случае отсутствия эквивалентного элемента в терминосистеме языка перевода, существует ряд приёмов для передачи его семантического значения, такие как калькирование, заимствование, описательный перевод, декомпозиционный перевод. Также можно говорить о применении некоторых переводческих трансформаций, в частности, генерализации и конкретизации, для передачи безэквивалентных терминов.
4. В **переводоведении эквивалентность** традиционно воспринимается как более сложное и многогранное явление, неразрывно связанное с определением и самой возможностью

перевода. Обзор многочисленных теорий эквивалентности, разработанных отечественными и зарубежными учёными-лингвистами, позволил определить основные уровни, на которых возможна межъязыковая эквивалентность: лексическая, стилистическая, контекстуальная и прагматическая или ситуативная эквивалентность.

5. В отличие от общепереводческого понятия эквивалентности, *терминологическая эквивалентность* стремится к наиболее полной передаче значения конкретных единиц, а не всего сообщения в целом.

6. В контексте устного синхронного перевода именно задача донесения общего смысла сообщения до адресата имеет первостепенную важность, в то время как точность передачи терминологической лексики отходит на второй план. В условиях работы переводчика-синхрониста возможность использования большинства способов передачи терминов ограничена, а задача по идентификации терминов осложняется ошибками аудирования и жёсткими временными рамками. Таким образом, при анализе синхронного перевода можно выделить три основных типа эквивалентности, применимых к терминологической лексике:

- Формально-лингвистическая (терминологическая) эквивалентность;
- Семантическая эквивалентность;
- Стилистическая эквивалентность.

7. Изучение способов передачи терминологии в устном синхронном переводе позволяет выделить основные переводческие стратегии, к которым реально прибегают переводчики в отношении терминологии: воспроизведение эквивалента термина, описательный перевод термина, калькирование, мгновенное заимствование термина, использование гиперонима или гипонима. Эти способы передачи терминологической лексики будут подробно рассмотрены во второй главе, особое внимание будет уделяться воспроизведению стилистической коннотации терминов.

Глава 2. Способы передачи терминологической лексики в синхронном переводе

1. Терминологическая эквивалентность

С точки зрения терминологии в её классическом понимании, единственным приемлемым способом передачи термина одного языка на другой является поиск эквивалентного термина в языке перевода. В рамках исследования, проводимого в русле дескриптивной терминологии, такое требование можно рассматривать как идеализированное, поскольку в большинстве случаев операция невыполнима, в связи с тем, что все языки по-разному членят понятия в каждой сфере.

Более того, даже если предположить, что нахождение такого полностью эквивалентного термина возможно, данный метод совершенно не применим в контексте синхронного перевода, за исключением этапа подготовки переводчика. Именно на этап подготовки к переводческому заданию и приходится основной объём работы с терминологией и терминологическими ресурсами: глоссариями, словарями и материалами заказчика, а также составление собственных глоссариев для использования непосредственно в переводческой кабине во время синхронного перевода.

С учётом этого, при оценке отобранного материала важно отметить большой процент случаев передачи терминов их прямыми эквивалентами (около 70-80%), что, несомненно, подтверждает роль терминологической подготовки, а также ориентированность большинства переводчиков на терминологическую эквивалентность при передаче специализированной лексики. Последнее утверждение дополнительно подкрепляется следующим наблюдением: сталкиваясь с новым или незнакомым термином, большинство переводчиков стремятся при передаче его сохранить «терминологическую форму», несмотря на то, что образованные и созданные в процессе синхронного перевода термины, скорее всего не закрепятся в языке.

1.1. Эквивалентный термин в языке перевода

Значительное число терминов, встречающихся не в узкоспециализированном контексте, достаточно широко распространены и знакомы даже неспециалистам, интересующимся актуальной проблематикой, более того, они повторяются во многих ситуациях, а потому не составляют значительной сложности для воспроизведения при переводе. Данная ситуация неизбежное следствие детерминологизации и широкого распространения научных знаний. Более того, как отмечает Линн Виссон, профессиональный переводчик-синхронист должен быть знаком с основной терминологией таких сфер, как политика, экономика, география и так далее (Visson 1999).

Такие «широко распространённые» термины представлены в примерах (1) и (2).

1. Спрос на возобновляемую энергию растёт опережающими темпами по сравнению с энергией из традиционных источников.

The demand for *renewable energy* is growing exponentially compared to the *energy coming from traditional sources*. (WEC 2016)

2. Это также вероятный закат **системы нераспространения оружия массового уничтожения** (что я считаю чрезвычайно опасным) и как результат – новый виток **гонки вооружений**.

It will also mean a most probable decline of ***the non-proliferation system of weapons of mass destruction***, which is very dangerous, and as the result a new spiral of ***the arms race***. (Valdai 2015)

Одновременно, именно широкое распространение многих терминов приводит к их постепенному сближению со словами общелитературного языка и потере ими основных свойств термина, таких как соответствие одного понятия одному термину. Синонимы наблюдаются как в речи оратора, в рамках одного выступления или даже одного предложения (4), так и в переводе (3).

3. По той же острейшей проблеме сегодняшнего дня, которую я опять хочу поставить, по *системе противоракетной обороны*, мы же предложили работу втроем: Соединённые Штаты, Россия и Европа.

If we take for example the most acute issue of today, which is the *ABM system, the missile defense system*, we came with a proposal of a three-way cooperation: US, EU and the Russian Federation. (Valdai 2015)

4. The Council will work to mark *migration routes* for key species and engage the countries along *migratory routes* to develop conservation strategies.

Совет будет и впредь сотрудничать с арктическими и неарктическими государствами для сохранения *миграционных схем* птиц, для ключевых видов будут разработаны *пути миграции*. (AF 2013)

Рассматривая пример (3) можно предположить, что переводчик приводит несколько терминов, соответствующих русскому «*система противоракетной обороны*», он ищет вариант в процессе перевода, поправляет себя, хотя именно это не рекомендуется делать при синхронном переводе. Различие переводов терминов в примере (4), вероятно, связано с тем, что переводчик не распознаёт лексическую единицу в речи оратора, либо, как выше, в примере (4) поправляет первый вариант перевода, не очень удачный, поскольку словосочетание «*миграционные схемы*» встречается крайне редко и в контексте, не связанном с орнитологией.

Анализ вариантов перевода для менее часто встречающихся терминов подтверждает идею того, что основная терминологическая работа переводчика приходится на этап подготовки к переводческому заданию. Несмотря на то, что, изучая записи синхронного перевода, достаточно трудно составить подробное представление о том, как готовились конкретные переводчики, сопоставляя оригинал с переводом, нельзя не предположить, что синхронисты проводят регулярную терминологическую подготовку. Именно поэтому они находят прямые терминологические соответствия для узкоспециализированных терминов, в частности, из военной области.

5. Уже появилась концепция так называемого *первого обезоруживающего удара*, в том числе с использованием высокоточных неядерных средств большого радиуса действия, сопоставимых по своему эффекту с ядерным оружием.

There has been developed a concept of the so-called *disarming first strike* including the use of long-range high precision non-nuclear weapons, which have an effect similar to nuclear arms. (Valdai 2015)

6. Возможна ли передача комплексов борьбы с авиацией, *переносных ракетных комплексов ПЗРК*? Надеюсь, что нет...

Regarding the transfer of *MANPADS* and the possibility of doing so, I hope that this will not happen... (Valdai 2015)

В отрывках (5) и (6) представлены фрагменты высказываний В. В. Путина на заседании Валдайского дискуссионного клуба в 2015 году. В обоих из них встречаются технические военные термины, которые передаются точными соответствующими английскими терминами. Интересно отметить, что если предложение (5) – часть речи российского президента, открывающей пленарное заседание, когда глава государства выступает с заранее подготовленным обращением, опираясь на письменный текст, то в примере (6) проанализирован ответ В. В. Путина на вопрос аудитории. Если в первом случае можно (и нужно) предположить наличие у переводчика хотя бы приблизительного текста выступления, то во второй ситуации оратор высказывается спонтанно, и переводчик заранее не может предсказать появление специфических терминов, тем не менее, без паузы воспроизводит эквивалент. В терминологической базе Termium Plus термин “*MANPADS*” отмечен как утверждённый в глоссарии НАТО. На самом деле, помимо идентификации термина и мгновенного нахождения его эквивалента, переводчик, вслед за оратором, употребляет аббревиатуру полного английского термина “*man-portable air defence system*”.

Передача терминов в форме аббревиатур (при их наличии) – ещё один вариант употребления прямого терминологического эквивалента термина, который, несомненно, свидетельствует о тщательной предпереводческой терминологической подготовке. Использование аббревиатур также позволяет

синхронисту сократить длину высказывания, не изменяя его смысл, поэтому часто аббревиатуры, при возможности их моментального воспроизведения, употребляются намеренно, как, например, во фрагменте (7).

7. Более того, масштабный рост производства *сжиженного природного газа* ведёт к тому, что впервые в истории газовых рынков этот газовый рынок становится по-настоящему глобальным.

Besides, the large-scale growth of *LNG* production leads to the fact that for the first time in the history of gas markets this gas market is becoming to be truly global.

(WEC 2016)

8. Вместе с тем не могу сказать, что в этой сфере вообще ничего не сделано Россией и Соединёнными Штатами, всё-таки нами заключён новый *Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений*...

But I cannot say that nothing has been done in this domain by the Russian Federation and the United States, still we have signed a new *START treaty*... (Valdai 2015)

В примере (7) переводчик использует аббревиатуру для передачи термина «сжиженный природный газ» – “*liquefied natural gas*” (Termium Plus, БЭНГ), хотя оратор произносит термин полностью. То же самое происходит и в случае (8); стоит отметить, что данный метод передачи терминов часто используется в отношении названий организаций, документов и мероприятий, которые не являются терминами в строгом смысле слова. Подобная стратегия позволяет переводчику-синхронисту сократить время произнесения эквивалента и сосредоточить своё внимание на другой прецизионной информации.

Несмотря на преобладание в изученном материале случаев передачи терминов с помощью прямого терминологического эквивалента, возможность его быстрого нахождения и воспроизведения во многом зависит от предварительной подготовки переводчика и его знания той или иной специализированной области, а также от доступности материалов по теме для подготовки. Таким образом, можно рассматривать этот способ перевода специальной лексики как идеальный и желаемый.

1.2. Создание эквивалентного термина – процесс поиска термина

Часто нужный эквивалент не удаётся найти сразу, а иногда не удаётся найти вообще, из-за его отсутствия в языке перевода либо в памяти переводчика. В случае с терминами, многократно повторяющимися в рамках одного выступления, интересно проследить стратегию переводчика по поиску нужного эквивалента, которая может приводить к различным результатам.

В примере (9) видно изменение решений переводчика, столкнувшегося с незнакомым термином. *День «Д»* в военной терминологии означает день начала операции. Сначала переводчик повторяет (неверно) услышанный термин, поскольку контекста недостаточно, чтобы понять его значение. Затем он поправляется, добавляя предложение, эксплицирующее значение этого термина. Тем не менее, далее переводчик отказывается от своего решения в пользу “*D day*”, что и является точным соответствием для данного термина: *D-day – the day on which an operation, whether hostilities or any other operation, commences or is due to commence (NATO Glossary)*. Интересно отметить, что у этого термина есть и другое значение: так называют день высадки американских войск на берег Нормандии во время Второй Мировой войны.

9. *День «Д»*, как сказал Джон, наступает 12 сентября. <...> Но эти документы уже официально вступают в силу с 12 сентября, когда начинается так называемый *день «Д»*.

Day G will be September 12th, as John has already told you. *Since that day will be the starting day for the countdown for action...* These documents will come into effect on September the 12th, which will be the *D day*... (LKG 2016)

Перевод данного термина вызывает сложности и в другом случае (10), где в контексте у него возникает нежеланная синонимия с термином «*день тишины*». Здесь нельзя сказать точно, отказывается ли переводчик от передачи этого отдельного термина, либо воспринимает его как равнозначный следующему за ним, и передаёт оба термина одним выражением: “*day of silence*”.

10. Но он настаивал на том, чтобы сначала мы объявили *день Д, день тишины*, прекратили бы боевые действия, удары авиации, а затем в течение семи дней они брали бы на себя обязательство развести оппозицию здоровую и «Джабхат ан-Нусру» друг с другом.

First he insisted that we should declare *a day of silence* to stop air strikes by aviation... (Valdai 2016)

Если сравнивать значение второго русского термина и английского термина, предложенного в качестве эквивалента, то становится понятно, что сферы употребления и значения терминов совершенно разные. Так, в английском языке *“day of silence”* обозначает определённую дату, когда по всему миру проводятся студенческие акции ненасильственного протеста, посвящённые борьбе с насилием и дискриминацией на почве гендерной ориентации (*GLSEN's Day of Silence* is a student-led national event organized in thousands of schools, bringing awareness to the silencing effects of anti-LGBTQ name-calling, bullying and harassment in schools¹). На русский этот термин обычно передаётся как *«день молчания»*. Интересно, что и в русском языке *«день тишины»* употребляется, чаще всего не в военной сфере, а в контексте предвыборной агитации – именно так называется день перед проведением голосования, когда какая-либо агитация со стороны кандидатов запрещена. В английском языке ему соответствует одно из значений термина *“blackout period”*. Термин *«день тишины»* и калькированный по нему английский термин *“Day of Silence”*, связанные с военной тематикой, встречаются исключительно в контексте военного конфликта между Россией и Украиной, причём английская лексическая единица создана по образцу русской, всегда заключается в кавычки, оба существительных пишутся с заглавной буквы.

Проследить изменение решения переводчика-синхрониста можно и в случае (11), когда по какой-то причине переводчик постоянно варьирует в рамках одного абзаца способы передачи термина *«транспондер»*, в результате чего получают последовательно: термин, общеупотребительное слово,

---

¹ Определение с сайта организатора мероприятия GLSEN: <https://www.glsen.org/day-of-silence>

мало подходящее по контексту, эквивалентный термин и неправильно произнесенный эквивалентный термин.

11. First of all I go to Baltic Sea airspace and *transponders*. First of all, Vladimir, I did not say only Russian planes are flying without *transponders*. I said to you last summer that there are planes flying without *transponders*. How I saw that question is <...> just the question of *transponders*, technical equipment. <...> I know that you have done a great job in Russia in developing technically your place.

Во-первых, вот если обсудить тему *ответчиков* в воздушном пространстве Балтийского моря. Я не сказал, что только российские самолёты летают без *ответчиков*. Я вам сказал, что просто летают, самолёты какие-то летают без *системы опознавания*. <...> *Транспондены* это техническое оборудование. <...> И вы оборудовали ваши самолёты этим *транспондером*. (AF 2017)

Несмотря на явное желание переводчика найти максимально подходящий терминологический эквивалент, важно помнить также и о негласном правиле единства терминологии, применимом и к устному переводу, особенно с учётом сложности восприятия информации на слух при нарушении логической связи.

Говоря о единообразии терминологии, важно понимать, что переводчик-синхронист работает только с теми терминологическими элементами, которые уже существуют в языке, и его способность создавать, организовывать и упорядочивать терминологию ещё более ничтожна, чем способность письменного переводчика, работающего в узкоспециализированной области. С этой точки зрения интересно рассмотреть несколько представленных ниже примеров.

12. ... *cessation of hostilities* has been under huge stress...

And the result has been a circle of excuses for continuing to fight each other with a serious deterioration of a <...> *cessation of hostilities*...

... *прекращение боевых действий* в Сирии находилось под большим стрессом...

И в результате этого имел место цикл попыток найти оправдания для того, чтобы продолжать войну друг с другом, и, при этом, конечно, договорённости о *прекращении боевых действий*, они ослаблялись. (LKM 2016)

13. Особое внимание мы уделили тому, чтобы укрепить *режим прекращения боевых действий*, который был введён Советом безопасности <...>, и тому, чтобы все без исключения стороны соблюдали *режим прекращения огня*.

We also agreed to give special attention to implementing *the ceasefire mode* sanctioned by the UN Security Council and make sure that all the parties abide by *the ceasefire*. (LKM 2015)

14. Кроме того, он позволяет укреплять режим *прекращения боевых действий*. Главное, что касается договоренности, заключается в том, что первым шагом будет переподтверждение *режима прекращения боевых действий*.

... ensure compliance for *the ceasefire*... The most important for these agreements is the fact that step one should be to reconfirm *the ceasefire* in Syria. (LKG 2016)

В военной сфере существуют два термина: «прекращение боевых действий» и «прекращение огня»; в английском имеются также два термина “ceasefire” и “cessation of hostilities”. Предложения (12)-(14) и их переводы показывают, что между этими терминами происходит значительная путаница, поскольку иногда они рассматриваются как синонимы, иногда – как разные понятия. Более того, термин “ceasefire” часто передаётся как «перемирие». Попытки найти точные определения в словарях и глоссариях и установить значение каждого термина не дают значимого результата, поскольку в большинстве источников эти базовые термины отсутствуют. Глоссарий НАТО приводит оба термина с их переводами на французский язык, однако не даёт определений, ни пометок об их взаимоотношении. Единственные попытки разобраться в этой путанице заметны в англоязычных СМИ, которые, тем не менее, не могут считаться авторитетным терминологическим источником. Именно такая нечёткость ведёт к трудностям установления соответствий при переводе и ложной синонимии терминов.

Кроме этого, часто при попытке воспроизвести терминологический эквивалент, который, по ощущению переводчика, существует в языке

перевода, возникают новые образования, которые, определённо не могут считаться терминами, более того, звучат неестественно в языке, поскольку калькированы в язык перевода по модели термина языка оригинала.

15. Many Arctic *migratory birds* species are threatened by oil harvest and habitat alteration that occurs outside of the Arctic.

Многие *миграционные виды птиц* меняют среду обитания, улетают из Арктики в другие регионы. (AF 2013)

16. This has really started to change with the arrival of the so-called emerging donors, which are countries that used to be *aid recipients* and are now increasingly aid donors...

Сейчас же появились новые доноры, которые ранее были *реципиентами помощи*... (Valdai 2016)

В примере (15) «перелётные птицы» превращаются в «миграционные виды птиц», что, вероятно, понятно слушателю, но не соответствует русскому термину; в примере (16) в переводе использовано существительное «реципиенты», контекст употребления которого ограничен сферами медицины и психологии.

Определённые трудности возникают и в случае, когда переводчик не распознаёт термин в качестве такового, несмотря на его многократное появление в рамках одного выступления. Подобный пример приведён под номером (17) и (18).

17. It requires unimpeded and sustained *humanitarian access* to all of the besieged and hard-to-reach areas, including Aleppo.

Для этого требуется *доступ гуманитарной помощи* во всех осаждённых районах, в том числе Алеппо. (LKG 2016)

18. Meanwhile, in the Ramusa Gap area in South-West Aleppo, both pro-government and opposition groups will be required to provide safe, unhindered and sustainable *humanitarian, commercial and civilian access* to Eastern and Western Aleppo.

В Рамусе, на юго-западе Алеппо, и правительственные, и оппозиционные группировки должны будут обеспечить *доступ граждан к гуманитарной помощи*. (LKG 2016)

Английский термин “*humanitarian access*” определён на сайте Управления по координации гуманитарных вопросов ООН (УКГВ ООН)² как имеющий двойное значение в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 46/182: “*Humanitarian access* [...] refers to a two-pronged concept, comprising: humanitarian actors’ ability to reach populations in need; affected populations’ access to assistance and services”. У этого термина есть точный русский эквивалент, с таким же двойным значением, который приведён в документе УКГВ ООН на русском языке³: «**Гуманитарный доступ**: касается возможности гуманитарных сотрудников достичь людей, затронутых кризисом, а также возможности пострадавшего населения получить гуманитарную помощь». Интересно, что оба эти значения переводчик, независимо друг от друга передаёт в сообщении, однако из-за разной формулировки они не воспринимаются как один термин. Помимо неопределения исходного термина, проблема, возможно, связана с тем, что в этой части выступления оратор использует и другие термины в отношении поставок гуманитарных грузов, как, например: “*humanitarian and civilian traffic*”, “*delivery of humanitarian goods*”. Кроме того, в примере (18) термин трудно читается из-за ряда однородных членов, которые переводчик, в конце концов, опускает.

1.3. Пропуск термина при отсутствии эквивалента

Учитывая рассмотренные выше трудности при попытке передачи термина его прямым терминологическим эквивалентом, стоит обратить внимание и на такой переводческий приём, как опущение. Несомненно, его нельзя включить в список рекомендованных приёмов, поскольку он полностью уничтожает присутствие термина в переводе и может сделать содержание речи оратора более расплывчатым, а также потребовать

---

² Статья “Thematic Areas: Humanitarian Access” на сайте УКГВ ООН: на английском языке: <https://www.unocha.org/legacy/what-we-do/policy/thematic-areas/humanitarian-access>.

³ Определение из руководства «Обеспечение необходимой помощи, нуждающимся людям, в нужное время, наиболее подходящим способом. Руководство для вооружённых сил. Версия 101», доступного по ссылке: https://docs.unocha.org/sites/dms/Documents/03.A%20Guide%20for%20the%20Military_RU.pdf.

перестройки предложения. Однако, не стоит отвергать его полностью, поскольку опущение может стать (если пользоваться им в разумных пределах) разумной переводческой стратегией, позволяющей избежать искажения смысла и, при этом, выиграть время, чтобы посмотреть (попросить коллегу по кабине посмотреть) эквивалент термина.

19. Finally, let me mention the changing behavior of the *pelagic fish* stocks, such as mackerel and herring.

И, наконец, позвольте упомянуть ещё и меняющееся поведение *рыбы*, такой как макрели, такой как сельди. (AF 2017)

20. However more accurate information is needed on the consequences of climate change, such as risks to *biodiversity* or *black carbon* or *methane* emissions.

Кроме того, требуется более точная информация о последствиях изменения климата, а именно его влияния на биоразнообразие, а также [пауза] выбросов метана, так называемого чёрного углевода. (AF 2013)

В случае (19) переводчик опускает незнакомый ему термин “*pelagic fish*”, контекст высказывания не меняется и не становится менее точным, поскольку оратор в любом случае приводит примеры океанических видов рыб: макрель и сельдь. В сравнении, в предложении (20) переводчика, по всей видимости, сбивает термин “*black carbon*”; вместо того чтобы опустить его и продолжить фразу (это ничего не изменило бы, это один из примеров оратора, хотя термин встречается в выступлении и далее), переводчик, очевидно сбивается и смешивает два термина, в результате чего получается странное и непонятное выражение «метан, так называемый чёрный углевод».

Учитывая особенность работы устного переводчика, состоящую в том, что все предложения, произнесённые оратором, перефразируются в процессе перевода, важно понимать, что иногда именно с этим связано отсутствие термина в переводе. Теоретически, термины относятся к прецизионной информации, однако на практике часто построение фразы мешает переводчику поместить в неё термин, либо определённые фразы полностью опускаются, например, в связи с высоким темпом оратора.

21. При этом мы ответственно относимся к проблемам экологии и климата, уделяем большое внимание повышению в *национальном энергетическом балансе* доли чистых источников...

We take a responsible attitude towards environmental and climate issues and give great attention to raising the share of clean energy sources... (WEC 2016)

22. Just minutes ago, with delegation of Kudankulam II and laying of foundation concrete [unintelligible] of Kudankulam III and IV we saw the tangible results of the India-Russia cooperation in the field of *civil nuclear energy*. And we proposed construction of another eight *reactors*. Our wide cooperation in *nuclear energy* is set to bring rich dividends for both of us.

Несколько минут назад мы говорили о АЭС Куранкудам и заложили основы энергоблоков 3 и 4. Мы увидели ясное доказательство сотрудничества Индии и России в области *гражданской ядерной энергии*. [Пауза] Мы можем похвастаться широким сотрудничеством в *ядерной сфере*, которое принесёт процветание обеим сторонам. (PMG 2016)

В отрывке (21) приведён пример того, как, достаточно редко, опущение оригинального термина не ведёт за собой искажения смысла высказывания оратора, поскольку отсутствие термина компенсируется контекстом. В случае (22) переводчик опускает целое предложение и, следовательно, вместе с ним термин “*reactor*”, в результате чего элемент прецизионной информации теряется. В этой ситуации большую роль, вероятно, сыграли достаточно сильный акцент говорящего и нечёткость его речи. На протяжении всего выступления переводчик часто делает паузы, поскольку восприятие оригинала затруднено, и неизбежно теряет часть информации; при этом термины в соседних предложениях переданы верно, к примеру “*civil nuclear energy*” – «гражданская ядерная энергия».

2. Семантическая эквивалентность

В первой части второй главы были проанализированы способы передачи терминологической лексики с помощью эквивалентной терминологической лексики языка перевода. Рассмотренные примеры

показывают, что терминологическая эквивалентность, представляя собой достижимый идеал, не всегда эффективна для передачи незнакомых терминов. Изучение практики перевода позволяет установить, что синхронные переводчики при передаче терминологии часто прибегают к переводческим трансформациям, применимым и в отношении слов общелитературного языка.

Два наиболее распространённых приёма, генерализация и описательный перевод, будут рассмотрены во второй части второй главы исследования.

2.1. Генерализация

В контексте терминологической лексики в устном переводе представляются возможными два подхода к генерализации: выбор гиперонима для безэквивалентного/ незнакомого термина (т.е. другого термина, более широкого по значению) как лексическая трансформация, или перестройка отдельной части фразы или даже всего предложения с целью передать общий смысл, не произнося конкретного термина. Именно второй подход наиболее часто встречается в синхронном переводе, в связи с этим анализ данного способа перевода производится в рамках ориентации на семантическую эквивалентность.

23. So we still have, as was mentioned already also during President Putin's speech, *wars, disasters, economic turbulence* and a slowly advancing *crisis, climate change*, I would add some others, *desertification*, and many others.

Как уже сказал президент Путин, у нас есть проблема того, как справляться с *кризисами*, и, действительно, очень много *вызовов* стоят перед нами и *проблем*. (Valdai 2016)

24. Mr President, Russia recently withdrew from an agreement with the United States to dispose of *weapons-grade plutonium*...

Господин президент, Россия недавно вышла из соглашения с Соединёнными Штатами по уничтожению *плутония*... (Valdai 2016)

25. ...мы называем это не полицейской миссией, а возможностью тех, кто будет обеспечивать выборы и безопасность на выборах, находиться там с *табельным стрелковым оружием*.

We do not call this a police mission, but we call this a possibility for those who <...> are going to insure security during the elections with their *personal arms*. (Valdai 2016)

В предложениях (23)-(25) генерализация применяется в разных целях. Если в первом случае этот приём помогает сократить высказывание оратора, не искажая его смысл, что важно уметь делать любому переводчику-синхронисту, то во втором и третьем случаях необходимость генерализации вызвана, скорее всего, неспособностью сразу воспроизвести терминологический эквивалент.

Достаточно редки случаи, когда генерализация обусловлена разницей в понятийной структуре определённой специальной сферы, то есть, при отсутствии точного эквивалента, как, например, в переводе (26).

26. Рассчитываем на то, что скоординированные действия нашей *ударной авиации* и других средств поражения...

We hope that the coordinated action of our *offensive aircraft* and other offensive capabilities...(Valdai 2016)

Согласно определению Военного энциклопедического словаря, ударная авиация включает в себя конкретные виды авиации, такие как истребительная, штурмовая и бомбардировочная. Английский термин "*offensive aircraft*" имеет более широкое значение и относится ко всем типам летательных аппаратов, принимающих участие в воздушных атаках.

Если говорить о строгих отношениях между терминами в рамках терминосистемы, в частности, об отношениях гиперонимии-гипонимии, нужно отметить, что они не всегда соблюдаются при генерализации. Представляется, что в процессе устного перевода, в особенности синхронного, переводчику достаточно трудно оперировать целой терминосистемой, поэтому генерализация, скорее, подразумевает в данном

случае употребление более широкозначного термина, не обязательно соотнесённого с оригиналом в какой-либо терминосистеме.

27. It is a threat multiplier that aggravates many issues behind conflicts: *famine, water scarcity, flooding, forced displacement* etc.

Это серьёзная угроза, которая делает гораздо более значимыми такие проблемы, как *голод, нехватки водных ресурсов, наводнения, природные катастрофы, миграционные потоки* и так далее. (AF 2017)

В примере (27) переводчик не знает точного перевода термина “*forced displacement*”, делает паузу, добавляет термин «*природные катастрофы*», который отсутствует в оригинале, и переводит английский термин как «миграционные потоки». Русский эквивалент шире по значению и не является непосредственным гиперонимом точного эквивалента английского термина – «*вынужденное перемещение*».

Генерализация конкретно в её «терминологической форме» – как использование гиперонима для передачи термина оригинала – не так часто применяется в отношении незнакомых или безэквивалентных терминов. Значительно чаще устные переводчики прибегают в таких ситуациях к описательному переводу.

2.2. Описательный перевод

Описательный перевод – один из способов передачи терминологической лексики в устном синхронном переводе. Несмотря на то, что, с точки зрения терминологии, это не самая желательная переводческая стратегия, поскольку она нарушает отсылку термина к определённому понятию и лишь передаёт общий смысл и косвенным образом указывает на данное понятие, на практике в ряде случаев переводчик вынужден прибегать к такой трансформации.

Наиболее часто к описательному переводу прибегают при невозможности употребления терминологического эквивалента, либо из-за его отсутствия в языке перевода, либо при неспособности переводчика мгновенно воспроизвести эквивалент.

Несомненно, что определить в процесс синхронного перевода, имеется ли у того или иного оригинального термина эквивалент в языке перевода и насколько это полный эквивалент, невозможно, за исключением случаев, когда переводчик сталкивается с безэквивалентным термином на этапе подготовки. Остерегаясь создавать новые терминологические образования, которые, скорее всего, будут непонятны получателю перевода, переводчик применяет метод описательного перевода. В определённых случаях, сама форма оригинального термина позволяет понять, что его передача потребует переформулировки. Обычно подобная ситуация возникает при переводе англоязычных терминов на русский язык.

28. Churches in Finland have also kept their doors opened for the *asylum seekers* who have not been granted refugee status.

Церкви в Финляндии также стали прибежищем для тех, кто не получил статус беженца, но кто нуждается. (Valdai 2016)

29. Спрос на традиционные энергоресурсы поддерживается не только *автомобилизацией* и электрификацией таких огромных стран и экономик, как Китай, Индия, некоторых других государств...

The demand for traditional energy sources is encouraged not only by *the wide spread of vehicles* and the electrification of such large scale countries' economies, such as China, India... (WEC 2016)

30. ... we need to make sure that our militaries are talking in order to make sure that there is a complete *deconfliction*.

...обеспечить, чтобы наши военные знали, где кто работает, чтобы не допустить конфликтной ситуации. (LKM 2015)

31. If he will simply acknowledge he is prepared to come to the table and talk about *denuclearization*...

Если он признает, что он готов сесть за стол переговоров и подтвердить, что отказ от ядерного оружия – это его обязанность... (LKG 2016)

Во всех четырёх случаях представлены примеры описательного перевода, связанного с отсутствием соответствующего термина, в предложениях (28) и (29) это достаточно частотные термины, которые,

соответственно, не представляют трудностей при передаче, в то время как термины из отрывков (30) и (31) встречаются реже и могут быть сходу непонятны, тем не менее, их значение также передано верно.

32. Совершенствование методов добычи *трудноизвлекаемой нефти* в сочетании с упрощённым доступом к финансированию позволили перейти к освоению новых...

The improved methods of the production of *hard-to-recover oil* together with the facilitated access to the financing led to the development... (WEC 2016)

У некоторых терминов отсутствие терминологического эквивалента связано с несовпадением научных понятий в двух языках, как в примере (32), когда в английском языке, по существу, не обнаруживается термина, который бы полностью совпадал или пересекался по значению с термином «трудноизвлекаемая нефть» (стоит отметить, что и в русском языке чаще встречается другой вариант этого термина – «трудноизвлекаемые запасы нефти»). Выражение *hard-to-recover oil*, которое применяет переводчик, действительно часто предлагается в качестве соответствия для русского термина, однако само не имеет статуса терминологической единицы английского языка (не зафиксировано в глоссариях, встречается, в основном, на английских версиях русскоязычных сайтов).

Второй типичный случай употребления описательного перевода: употребление оратором незнакомого переводчику термина или неспособность переводчика автоматически извлечь из памяти эквивалент.

33. ... the board of governors of the IAEA passed on a resolution regarding *PMD activities*, which was a critical component of the implementation...

... руководство МАГАТЭ провело резолюцию относительно [пауза] деятельности, которая связана с [пауза] оружием массового уничтожения...

(LKM 2015)

Анализ материала показывает, что в такой ситуации более частотна генерализация или опущение термина, тем не менее, в данной ситуации (33) задачу осложняет аббревиатура, которая, судя по паузам в переводе, делает неясным смысл термина для переводчика. Однако здесь и описательный

перевод не позволяет правильно передать значение. Термин *PMD activities* используется в очень узком контексте, а именно в отношении возможности Ирана создать ядерное оружие, в частности, в отчёте МАГАТЭ⁴. Переводчик, скорее всего, идентифицирует данный термин как аббревиатуру *WMD (weapons of mass destruction)* – оружие массового уничтожения (ОМУ).

Значительно более редки случаи, когда описательный перевод термина является результатом сознательного выбора переводчика в целях более эффективного донесения информации до слушателя или построения более стилистически гармоничной фразы.

34. ...not to speak about massive *ideological indoctrination* which reminds me of the communist era.

We replaced education with *indoctrination* and political correctness.

Наблюдается определённая общественная апатия, происходит выхолащивание и обнищание образования, не говоря уже об *идеологической индоктринации*...

Мы заменяем образование как раз политкорректностью и *навязыванием определённой идеологии*. (Valdai 2015)

35. Мне трудно согласиться с вашей трактовкой, но если прямо в законе Соединённых Штатов (по-моему, он касается Украины, но прямо упоминается Россия) целью является *демократизация* Российской Федерации...

... there are some acts in the United States... and the aim is *to provide more democracy* (Valdai 2015)

В примере (34) интересно проследить решение переводчика, который сначала передаёт термин *ideological indoctrination* калькой «идеологическая индоктринация», а в дальнейшем заменяет его на развёрнутое описание «навязывание определённой идеологии», что делает идею оратора более доступной для слушателя.

Иногда описательный перевод, скорее, вызван трансформациями высказывания, которые производит переводчик, как показано в примере (35).

---

⁴ Отчёт МАГАТЭ “Final Assessment on Past and Present Outstanding Issues regarding Iran’s Nuclear Programme”; доступен по ссылке: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-2015-68.pdf>.

Похожая стратегия заметна и в примере (36), где, начав со слова “*products*”, переводчик вынужденно продолжает фразу, используя описательный перевод.

36. Спрос на традиционные энергоресурсы поддерживается не только автомобилизацией и электрификацией..., но и продолжающимся проникновением *продукции нефти и газохимии* в самые разные сферы жизни человека

The demand for traditional energy sources is encouraged not only by the wide spread of vehicles and the electrification... but also by an ongoing penetration of *products resulting from chemical utilisation of oil and gas...* (WEC 2016)

37. Many Arctic migratory birds species are threatened by oil harvest and *habitat alteration* that occurs outside of the Arctic.

Многие миграционные *виды птиц меняют среду обитания*, улетают из Арктики в другие регионы. (AF 2013)

При использовании данной переводческой трансформации основная задача – корректно понять оригинальный термин, поскольку в противном случае помимо потери термина может произойти искажение смысла. Так, в примере (37) переводчик неправильно понимает значение термина “*habitat alteration*” (*Habitat alteration* is a change in land use or land cover that has an impact on local ecosystems. Encyclopedia.com) и, в результате этого, неверно передаёт его методом описательного перевода на русский язык, более того, искажает значение конца фразы.

Несмотря на то, что описательный перевод действительно эффективен при передаче терминов, когда прямой эквивалент найти не удаётся, тем не менее, стоит принимать во внимание определённые ограничения, связанные, прежде всего с большей длиной описательного перевода, что не всегда допустимо в условиях синхронного перевода.

3. Стилистическая эквивалентность

Большинство специалистов в области терминологии неохотно признают наличие у терминологической лексики стилистической коннотации. Тем не менее, исследования в русле дескриптивной

терминологии доказывают, что в определённых условиях термины действительно развивают дополнительные стилистические коннотации, например, связанные с употреблением конкретного эквивалента термина в конкретном дискурсе, или вызванные постепенным стиранием границы между термином и словом общелитературного языка, в особенности, если рассматривать термин как функцию, которую имеют некоторые лексические единицы общелитературного языка.

С точки зрения устного перевода появление у терминов стилистической коннотации и, соответственно, возможность нахождения стилистического эквивалента, затрудняет работу переводчика, как на этапе восприятия устного сообщения, так и на этапе его воспроизведения.

3.1. Терминологическая лексика в массово-информационном дискурсе

Сближаясь по своим функциям со словами общеупотребительного языка, термины приобретают, помимо прочего стилистическую коннотацию. И, вне зависимости от того, что переводчик-синхронист при работе с терминологическими элементами стремится, прежде всего, передать их реальное значение, в политическом контексте не менее большое значение может приобретать и стилистическая окраска терминов. Помимо этого, в политику проникают многие элементы из массово-информационного дискурса, которые сложны для передачи тем, что, во многих случаях, они имеют полные или частичные эквиваленты в рамках сферы СМИ, поэтому такие термины нигде не зафиксированы, часто не имеют определений и отражают, скорее всего, традицию употребления. Часто маркером таких созданных СМИ терминов являются кавычки и выражения типа «так называемый».

В качестве примера, можно снова обратиться к термину «*день тишины*», который уже был проанализирован в первой части второй главы с несколько иной точки зрения.

38. Но он настаивал на том, чтобы сначала мы объявили *день Д, день тишины*, прекратили бы боевые действия, удары авиации, а затем в течение семи дней они брали бы на себя обязательство развести оппозицию здоровую и «Джабхат ан-Нусру» друг с другом.

First he insisted that we should declare a *“Day of Silence”* to stop air strikes by aviation... (Valdai 2016)

Несмотря на то, что понятие, которое обозначает русский термин «день тишины» существует в военной сфере, сам термин в официальном дискурсе никогда не используется, поэтому установить соответствие можно только на основе анализа контекстов употребления словосочетания в прессе. Англоязычная пресса заимствует этот термин из русского языка, и в английском он сохраняет прочную ассоциацию с Россией и её военными действиями; сама форма термина (наличие кавычек и заглавных букв у обоих существительных, как в названиях) подтверждает это.

Ещё один пример, заслуживающий анализа – перевод термина «ракетный зонтик».

39. Если одна страна считает, что она создала над собой *«ракетный зонтик»* и может обезопасить себя от ответного либо ответно-встречного удара, – ну, тогда у неё руки развязаны в применении любых видов вооружений.

If one country believes that they have created a *nuclear or missile umbrella, a shield... or a shield* that can be safeguard against the response, in this case it's free to use all its capabilities... (Valdai 2015)

Русский термин «ракетный зонтик» не встречается в каких-либо глоссариях, справочных пособиях и другой документации. Область его применения ограничена массово-информационным дискурсом, где он почти всегда приводится в кавычках где у него есть синонимичный термин «ядерный зонтик». Проанализировав контексты употребления этих двух лексических единиц, можно прийти к заключению о том, что речь идёт о системе защиты государства от применения ядерного оружия со стороны другого государства. Именно в таком значении этот термин использует оратор в приведённом примере.

В англоязычной прессе также встречаются два термина с синонимичным значением *“nuclear shield”* и *“missile shield”* / *“missile defense shield”*. Поиск стандартизированного, закреплённого определения этих терминов также не даёт желаемых результатов. Поэтому вариант передачи русского термина, к которому в конце приходит переводчик, можно считать приемлемым, ведь помимо смыслового соответствия, здесь достигается и стилистическое соответствие – и английский, и русский термины принадлежат к одному дискурсу.

Интересно, однако, проанализировать и промежуточные варианты, которые переводчик «предлагает» аудитории в процесс поиска верного термина. Речь идёт о словосочетаниях *“nuclear umbrella”* и *“missile umbrella”*. Первый вариант на самом деле является термином и имеет устоявшееся определение: *“the supposed protection gained from an alliance with a country possessing nuclear weapons”* (ODE). Примечательно, что Англо-русский политический словарь предлагает следующее соответствие для данной единицы: *«"ядерный зонтик" (использование ядерного оружия США для защиты Западной Европы)»*. Данное определение не отражает значения, выраженного в английском определении, однако интересно проследить ту связь, которую он устанавливает с ранее рассмотренным русским термином. В любом случае, очевидно, что данный термин не может служить эквивалентом «ядерного зонтика» в понимании оратора в примере (). Что касается термина *“missile umbrella”*, то его можно, скорее, отнести к группе терминов массово-информационного дискурса, поскольку его сфера употребления также ограничена прессой, определение этого термина отсутствует в словарях и глоссариях, более того, при анализе его употреблений в материалах СМИ, нужно отметить, что этот термин используется сразу в двух значениях: и как система защиты собственного государства от ядерного удара извне, и как возможность обезопасить неядерное государство от нападения благодаря помощи и протекции союзника-ядерного государства.

Статус рассмотренных в этом разделе терминов справедливо может подвергаться сомнениям. Не имея определения, ни, порой, утверждённого значения, подверженные появлению синонимов и вариантов, данные лексические единицы не вписываются в классическую теорию терминологии. Тем не менее, они отражают современные языковые процессы и называют реальные понятия и идеи, многие из которых сегодня создаются средствами массовой информации. Сложность при их передаче в контексте устного перевода заключается как в сохранении значения, так и стилистической принадлежности подобных терминов, поскольку можно предположить наличие у них стандартных эквивалентов.

3.2. Терминологическая лексика как основа речевого образа

Признавая важность стилистической составляющей термина, интересно обратить внимание на некоторые новые возможные контексты его употребления. Сближаясь по характеристикам со словами общелитературного языка, термины становятся объектом языкового творчества, позволяющего добавить речи образности и выразительности. Особенно данная черта характерна для речи современных русских политиков.

Несомненно, невозможно утверждать, что в приведённых ниже примерах термины выполняют свою классическую функцию. В связи с этим, можно было бы утверждать, что здесь речь идёт не о терминах, а о словах общелитературного языка. Тем не менее, важно подчеркнуть, что одна из основных функций термина сохраняется, а именно: он называет специфическое понятие определённой сферы, которое, в данном случае, становится основой для создания яркого образа. И, несмотря на то, что в подобных ситуациях не требуется воспроизведения терминологического эквивалента, переводчик должен до конца понимать значение оригинального термина, чтобы воссоздать образ, выбранный оратором, на языке перевода.

Так, в примере (40) наблюдается случай словотворчества, когда оратор использует существующие и им самим созданные термины с окончанием “ism”.

40. We are the victims of new failed *isms*: of *human rightualism*, of *multiculturalism*, of *environmentalism*, of *homosexualism*, of *cosmopolitism and transnationalism*, that we have become victims of and at the same time – contributors...

Мы стали жертвами новых ошибочных «*измов*»: это соответственно *движение борьбы за права человека, мультикультурализм, энвайронментализм (или борьба за сохранение окружающей среды), гомосексуализм, космополитизм и транснационализм* – мы стали опять же жертвами. (Valdai 2015)

Мгновенно передать их на русский язык достаточно сложно, поскольку язык перевода не позволяет так свободно создавать существительные из любого словосочетания. В связи с этим ряд несколько разрушается, поскольку переводчик вынужден использовать словосочетание для передачи “*human rightualism*” – «*движение борьбы за права человека*», ксенизм (заимствование) с пояснением для перевода “*environmentalism*”. Помимо этого, в оригинальной фразе «новые термины» несут достаточно негативную оценку тех явлений, которые они обозначают, что далее эксплицируется в высказывании оратора, и что также важно передать в переводе. В примерах (41) и (42) термин практически приобретает метафорическое звучание, достигаемое в первом случае использованием прямого терминологического эквивалента, а во втором случае – общеупотребительного слова.

41. А общественные движения, которые ещё совсем недавно считались слишком «левыми» или слишком «правыми», выходят на авансцену, оттесняя политических *тяжеловесов*.

Public movements which were considered too <...> leftist or too rightist are pushing back the political *hardweights*. (Valdai 2016)

Случай (41) достаточно интересен тем, что если у русского термина «тяжёловес» в толковом словаре вообще отсутствует переносное метафорическое значение (*Тяжеловес*: Спортсмен - борец, боксер или штангист - тяжёлого веса; Лошадь, способная перевозить тяжёлые грузы; тяжеловоз; Тяжелогрузный железнодорожный состав, судно или автомобиль. ТСЕ), то в английском языке это значение зафиксировано в словаре, правда,

для существительного “heavyweight” (a person of influence or importance in a particular sphere – *a political heavyweight with national recognition*; ODE). Что касается “hardweight”, то такого термина в английском языке не существует. Таким образом, стратегия переводчика для передачи метафорического значения правильная, несмотря на то, что не приводит к желаемому результату.

42. А в некоторых случаях, в некоторых странах и жертвуют национальными интересами, отказываются от суверенитета в обмен на благосклонность *сюзерена*.

In some cases in some countries national interests are being sacrificed, sovereignty is denied [пауза] in exchange of good treatment on behalf of the *owner*. (Valdai 2016)

В примере (42) термин «сюзерен» используется со своим словарным значением, поскольку может означать «крупного феодала – барона, графа, герцога, князя - по отношению к зависимым от него вассалам» либо «государство, по отношению к которому другое государство находится в вассальной зависимости» (ТСЕ). Оба значения термина имеют специфическую область применения – исторический контекст феодальной эпохи. В современном употреблении они отсылают слушателя к этому контексту, посредством сравнения отношений современных государств друг с другом с вассальным подчинением. Применяя данный приём, оратор выражает презрительное отношение и негативную оценку данного феномена в современной политике; чаще всего отсылки к «тёмным» Средним векам носят именно такой характер и служат, чтобы указать на низкую степень культурного и политического развития. В. В. Путин использует образ Средневековья и царивших в нём порядков и в других своих выступлениях, например, в речи на заседании того же Валдайского клуба годом ранее:

43. ... я всё-таки позволю себе спросить: так с союзниками поступают? Нет, так поступают с *вассалами*, которые осмелились действовать по своему усмотрению, – их наказывают за плохое поведение.

... I dare to ask whether anyone has the right to deal like that with allies. No, that is how people are dealing with *vassals* who dare behave independently, they are being punished for misbehaving. (Valdai 2015)

Возвращаясь к термину «сюзерен»: у него есть прямое английское соответствие “*suzerain*”, означающее “a sovereign or state having some control over another state that is internally autonomous” (ODE). Переводчик же использует нейтральное “*owner*”, которое, помимо этого, не совсем точно отражает природу явления, ведь сюзеренное государство (находящееся под властью сюзерена) считается внутренне самостоятельным.

Иногда термины становятся частью игры слов:

44. Десятилетиями, а порой, может быть, и веками здесь, конечно, копились межэтнические, религиозные, политические противоречия, острейшие социальные проблемы. Словом, *гремучая смесь* нарастала, а попытки тем не менее извне грубо переустроить регион стали той спичкой, которая привела к настоящему взрыву, к разрушению государственности, всплеску терроризма и в конечном счёте к росту рисков для всего мира.

For decades or even centuries, there have been piling up interethnic, religious and political contradictions, the acutest social problems. In other words, *a Molotov cocktail*, which has been brewing there. And external attempts to [unintelligible] rearrange the region became a match or a spark which led to the real explosion, to the destruction of statehood, the outburst of terrorism and, eventually, growing risks for the whole world. (Valdai 2015)

В приведённом выше примере (44) оратор создаёт образ, используя два значения термина «*гремучая смесь*». В Большой энциклопедии нефти и газа данный термин определён как «смесь двух объемов водорода и одного объема кислорода, при комнатной температуре не реагирует. Если нагреть ее хотя бы в одном месте до 700°C, процесс взаимодействия начнется бурно и окончится мгновенно со взрывом» (БЭНГ). Получается, что речь идёт о химическом соединении. В разговорной речи у данного термина появились другие смыслы, отсутствующие в толковых словарях, но зафиксированные в словарях арго: «о человеке смешанных кровей, чаще о некоем

«экзотическом» сочетании национальностей» (Словарь русского арго. — ГРАМОТА.РУ. В. С. Елистратов. 2002), «то, что является результатом смешения и представляется ужасным, страшным или опасным» (Словарь многих выражений. 2014.), «человек, обладающий мощным темпераментом, незаурядной волей и энергией» (Большой словарь русских поговорок. — М: Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. 2007.).⁵ Соответственно, именно с этими значениями – терминологическим и нетерминологическим играет оратор, описывая ситуацию, когда накопление разнородных проблем в регионе может в один момент привести к «взрыву» – конфликту. Терминологическое значение словосочетания *«гремучая смесь»* используется для создания образа, метафорично, поскольку в следующем предложении вмешательства иностранных государств во внутренние дела страны отождествляется со спичкой, которая может спровоцировать взрыв.

Решение переводчика использовать для передачи оригинала термин “Molotov cocktail” представляется достаточно интересным. В Oxford Dictionary of English даётся следующее определение: “a crude incendiary device typically consisting of a bottle filled with flammable liquid and with a means of ignition” (ODE). Несмотря на полное несовпадение русского и английского терминов, сохраняется идея взрыва и необходимости внешнего источника огня для запуска реакции. Игра слов, при этом, к сожалению, неизбежно теряется.

Несомненно, подобные случаи употребления терминов достаточно немногочисленны, однако изучение переводческих стратегий в неожиданных ситуациях определённо заслуживает внимания. При переводе здесь важно ориентироваться не только на поиск семантического соответствия и избежание искажения смысла, но и стараться сохранить образ и передать отношение оратора.

Выводы по Главе 2

1. Анализ политических выступлений общей тематики на английском и русском языках и записей их синхронных переводов на русский и английский языки соответственно показал, что подобные тексты насыщены терминологической лексикой, передача которой составляет значительную сложность для переводчика.
2. Поскольку термины относятся к прецизионной информации, устный переводчик стремится для их передачи использовать терминологический эквивалент, если он существует, и переводчик способен мгновенно извлечь его из памяти. При невозможности воспроизвести точный термин допускается его опущение, с целью избежать искажения информации.
3. В связи с тем, что не вся терминологическая лексика оригинала имеет соответствие в языке перевода, а также с учётом того, что знание терминов устным переводчиком ограничено его предпереводческой подготовкой, и обращение к справочным источникам в процессе устного перевода затруднительно, часто в переводе сохраняется лишь смысловой компонент термина, при этом его форма теряется.
4. При работе с незнакомыми терминами переводчики сознательно используют такие переводческие трансформации, как генерализация и описательный перевод, потому что задача устного переводчика, прежде всего, заключается в передаче содержания сообщения оратора аудитории.
5. Многие термины в современном языке выходят за пределы своей чисто терминологической функции и приобретают стилистические коннотации. Они могут быть связаны с определённым типом дискурса, к которому принадлежит термин (например, термины из массово-информационного дискурса часто употребляются в политических выступлениях), а также становиться основой для образа, который

добавляет яркости речи политических деятелей. Последнее явление особенно характерно для русской ораторской речи.

6. Стилистический аспект значения терминологической лексики представляет значительную трудность для переводчика как при восприятии, так и при воспроизведении сообщения.

7. Оценивая тип эквивалентности, к достижению которого стремится устный переводчик, важно отметить невозможность определить предпочтительность или приоритетность того или иного типа эквивалентности или их комбинации.

8. Сближение терминов с общеупотребительной лексикой расширяет сферу их использования, а также их функции, поэтому для каждого случая устный переводчик принимает индивидуальное решение, в зависимости от собственного уровня терминологической подготовки и доступных переводческих приёмов.

Заключение

В рамках данной выпускной квалификационной работы было проведено исследование терминологической лексики с точки зрения переводоведения. В основу исследования легли теоретические работы многих отечественных и зарубежных исследователей, которые помогли обобщить имеющиеся на настоящий момент знания о термине и возможностях его перевода.

Несмотря на то, что традиционно терминология предъявляет строгие критерии к терминам, позволяющие отделить их от общеупотребительных слов, современные работы в русле дескриптивной терминологии доказывают наличие обратной тенденции, носящей название «детерминологизации» и вызванной комплексом лингвистических и нелингвистических причин. Постепенно сближаясь со словом общелитературного языка, термин теряет свои основные свойства, такие как соответствие принципу «одно понятие – один термин» и отсутствие стилистической окраски, что создаёт трудности при переводе специальной лексики.

Рассматривая перевод терминов, важно отметить, что речь идёт скорее не о переводе как таковом, а о замене термина языка оригинала его эквивалентом в языке перевода. Однако в реальности многие термины относятся к группе безэквивалентных, другие (как и слова общелитературного языка) имеют несколько эквивалентов, например, различающихся по сфере употребления. В переводоведении существует более широкое понимание эквивалентности, которая выделяется на нескольких уровнях: лексическом, семантическом, стилистическом. Переводчику доступен ряд переводческих приёмов и трансформаций, с помощью которых он добивается определённого уровня эквивалентности в языке перевода.

В отличие от письменного переводчика, трудности, с которыми сталкивается переводчик-синхронист при работе со специальной лексикой, не ограничиваются поиском точного эквивалента термина. Анализируя способы передачи терминологической лексики в синхронном переводе,

важно принимать во внимание особые условия, в которых он выполняется: жёсткие временные рамки, ограниченная возможность обращения к справочным источникам, ведущая роль предпереводческой подготовки.

В диссертации были проанализированы различные способы перевода терминов в контексте устного синхронного перевода в зависимости от типа эквивалентности, на который ориентируется переводчик. Отобранный для анализа материал был изначально ограничен максимально неспециализированным контекстом, чтобы проследить влияние детерминологизации на поведение терминов в ораторской речи.

Поскольку термины относятся к прецизионной информации, переводчики-синхронисты при работе максимально ориентируются на формально-лингвистическую (терминологическую) эквивалентность, стараясь сохранить как содержание, так и форму термина. Основная доля терминологической работы приходится на фазу подготовки к заданию; в некоторых случаях переводчик предпочитает опустить незнакомый термин.

В связи со сложностью моментального извлечения из памяти эквивалентов терминов, а также с наличием безэквивалентных терминов, часто переводчики пользуются такими трансформациями как генерализация и описательный перевод, позволяющими сохранить смысловой компонент термина. Ориентация на семантическую эквивалентность в данном случае соответствует общей направленности синхронного перевода на передачу содержания сообщения.

Тем не менее, в современной ораторской речи термины начинают, наряду со словами общелитературного языка, выполнять и не свойственные им функции, например, маркировать определённый тип дискурса или становиться основой для метафорического образа. Анализ подобных случаев, пусть и немногочисленных, позволяет понять, что роль термина в языке претерпевает значительные изменения.

При работе с отобранными материалами также было выявлено большое значение нелингвистических факторов для успешного перевода

терминологии, таких как наличие у оратора акцента, скорость речи и некоторых других.

Несмотря на то, что однозначно определить наиболее успешную стратегию передачи специальной лексики в синхронном переводе невозможно, в данном исследовании были проанализированы и описаны все основные доступные переводчику-синхронисту стратегии. Знакомство с ними и умение их использования поможет переводчикам более эффективно справляться с трудностями, которые представляет терминологическая лексика в ораторской речи.

В дальнейшем, в продолжение данного исследования интересно было бы рассмотреть особенности перевода терминологической лексики в более специализированном контексте, например, при синхронном переводе на тематических конференциях, лекциях, семинарах. Отдельно также можно было бы изучить процесс терминологической подготовки переводчика перед выполнением переводческого задания для определения наиболее эффективных способов подготовки, которые, несомненно, повысили бы качество синхронного перевода, а также описать возможности использования различных терминологических ресурсов в переводческой кабине.

Перспективность исследования терминологии с точки зрения устного перевода определяется необходимостью расширения теоретической базы по данной теме, а также разработки её практического применения в помощь устным переводчикам.

Библиография

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. – Иваново, 2004. – 252 с.
2. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб: Изд-во «СОЮЗ», 2001. – 282 с.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 376 с.
4. Ачкасов А. В. О содержании понятия «терминологическая эквивалентность». / А. В. Ачкасов // Актуальные проблемы переводоведения. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003.
5. Ачкасов А. В. Декомпозиционный перевод и мотивированность формы термина (на примере термина «учебный цикл»). / А. В. Ачкасов // Материалы XLII Международной филологической конференции 11-16 марта 2013 г. Актуальные проблемы переводоведения. / Под ред. проф. В. И. Шадрина. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – с. 8-20.
6. Багиян А. Ю. Детерминологизация как результат размытости границ между специальной и общеупотребительной лексикой. / А. Ю. Багиян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. – с. 28-33.
7. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М., «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
8. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 544 с.
9. Даниленко В. П. Лингвистический аспект стандартизации терминологии. / В. П. Даниленко [и др.]; Отв. ред. Е. Н. Ширяев; Рос. АН, Ин-т рус. яз.– М.: Наука, 1993. – 126 с.

10. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English – Russian. – Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: «Издательство Союз», 2001. – 320 с.
11. Канделаки Т. Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии; отв. ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударов; АН СССР. Ком. науч.-техн. терминологии – М.: Наука, 1970. –127 с.
12. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – 2-е изд., испр. – М.: «Р. Валент», 2011. – 408 с.
13. Лапшина М. Н. Параллельные тексты как инструмент решения проблем стилистической адекватности. / М. Н. Лапшина // Наука, образование и культура. – № 3 (6), 2016. – с. 25-28.
14. Лапшина М. Н. Проблемы устного перевода ораторской речи. / М. Н. Лапшина // Проблемы современного переводоведения : сборник статей в честь шестидесятилетия профессора В. И. Шадрина / С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т письменного и устного перевода им. А. В. Федорова; [сост. А. В. Ачкасов; отв. ред. И. В. Недялков]. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – с. 165-177.
15. Лейчик В. М. Об относительности существования термина / В. М. Лейчик // Материалы научного симпозиума «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». – М., 1971. – Ч. 2. – с. 436-442.
16. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – Изд. 4-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с.
17. Лейчик В. М., Шелов С. Д. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод / В. М. Лейчик [и др.] // Серия «Теория и практика научно-технического перевода»: Обзор информации. – Вып. 18.

- Часть II. – М.: Всесоюзный центр переводов научно-технической информации и документации, 1990. – 80 с.
18. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
  19. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической и другой терминологии. Вопросы теории и методики. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1961. – 158 с.
  20. Лунева О. В. Лингвостатистическое исследование подязыка специальности «Цифровые сигнальные процессоры»: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Иваново, 1996. – 21 с.
  21. Мелех Н. Н. Проникновение терминологических единиц в общепотребительную лексику. Экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых английских и русских текстов): автореф. дис. ... к-та филол. наук: 10.02.20 / Н. Н. Мелех ; Пятигорск. Пятигорский гос. лингв. ун-тет. – Пятигорск, 2004. – 19 с.
  22. Мякшин К. А. Разнообразие подходов к определению понятия "термин". / К. А. Мякшин // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. – с. 109-111.
  23. Пекарская Л. А. Реализация требований к «идеальному» термину в реально функционирующих терминологиях. / Л. А. Пекарская // Термин и слово: межвузовский сборник. – Горький, 1981. – с. 22-28.
  24. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учебник / А.А. Реформатский. – Издание 5-е, исправленное. – Москва: Аспект Пресс, 2005. – 536 с.
  25. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1967. – с. 52-68.

26. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М.: «Р. Валент», 2007. – 244 с.
27. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории. / Суперанская А. В., Васильева Н. В., Подольская Н. В.; отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.
28. Умерова М. В. Формирование и развитие терминологий и терминосистем. / М. В. Умерова // Университетское переводоведение. – Вып. 10: Материалы X международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», 23-25 октября 2008 г. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – с. 560-568.
29. Чернов Г. В. Основы синхронного перевода. – М.: Высшая школа, 1987. – 256 с.
30. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). – М., 1988. – 214 с.
31. Шелов С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы: (К проблеме классификации специальной лексики) / С. Д. Шелов // Вопросы языкознания. – М.: Высшая школа, 1984. – Вып. 5. – с. 76-87.
32. Шелов С. Д. Ещё раз об определении понятия «термин». / С. Д. Шелов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. – № 4 (2) – с. 795–799.
33. Arntz, R. Terminological Equivalence and Translation. Terminology: Applications in Interdisciplinary Communication. / R. Arntz / ed. by H. B. Sonneveld, K. L. Loening. – John Benjamins Publishing Company, Philadelphia, USA, 1993. – pp. 5-19

34. Béjoint, H. À propos de la monosémie en terminologie. / H. Béjoint // Meta : journal des traducteurs = Meta : Translator's Journal. – 1989. – Vol. 34, n. 3. – pp. 405-411
35. Cabré, T. Terminologie et dictionnaires. / T. Cabré // Meta : journal des traducteurs = Meta : Translator's Journal. – 1994. – Vol. 39, n. 4. – pp. 589-597
36. Cabré, T. Terminology: theory, methods, and applications / M. Teresa Cabré/ ed. by Juan C. Sager; translated by Janet Ann DeCesaris. – John Benjamins Publishing, 1999. –248 p.
37. Gile, D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator training. – Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, – 274 p.
38. Gile D. La terminotique en interprétation de conférence : un potentiel à exploiter. / D. Gile // Meta : journal des traducteurs = Meta: Translators' Journal. – 1987. – Vol. 32, n° 2. – pp. 164-169.
39. Gile D. Les termes techniques en interprétation simultanée. / D. Gile // Meta : journal des traducteurs = Meta: Translators' Journal. – 1985. –Vol. 30, n° 3. – pp. 199-210.
40. House, J. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation. / J. House // Meta : journal des traducteurs = Meta : Translator's Journal. –2001. – Vol. 46, n. 2. – pp. 243-257
41. ISO 1087-1. 2000 Terminology work – Vocabulary. Part 1: Theory and application. International standard.
42. ISO 860. Terminology Work – Harmonization of Concepts and Terms. 2007
43. Jakobson R. Linguistics and poetics / R. Jakobson // Style in language. / ed. by Th. Sebeok – M.I.T. Press, Cambridge, MA, 1960. – pp. 350-377

44. Lotfipour-Saedi, K. Discourse Analysis and the Problem of Translational Equivalence. / K. Lotfipour-Saedi // *Meta : journal des traducteurs = Meta : Translator's Journal*. – 1990. – Vol. 35, n. 2. – pp. 389-397
45. Melby, A. The Mentions of Equivalence in Translation. / A. Melby // *Meta : journal des traducteurs = Meta : Translator's Journal*. – 1990. – Vol. 35, n. 1. – pp. 207-213
46. Nida, E. Taber, Ch. *The Theory and Practice of Translation*. – Brill Archive, 1982 – Language Arts & Disciplines – 218 p.
47. Pym, A. European Translation Studies, Une science qui dérange, and Why Equivalence Needn't Be a Dirty Word. / A. Pym // *TTR : traduction, terminologie, redaction*. – 1995. – Vol. 8, n. 1. – pp. 153-176
48. Pym, A. Natural and directional equivalence in theories of translation. / A. Pym // *The Metalanguage of Translation, special issue of Target 19:2*. – 2007 – pp. 271-294
49. Roberts, R., Pergnier, M. L'équivalence en traduction. / R. Roberts [et al.] // *Meta : journal des traducteurs = Meta : Translator's Journal*. – 1987. – Vol. 32, n. 4. – pp. 392-402
50. Rodriguez N., Schnell B. A Look at the Terminology Adapted to the Requirements of Interpretation. / Rodriguez [et al.] // *Language Update*. – 2009. – Vol. 6, n. 1. – pp. 21-27.
51. Sager, Juan C. *Practical Course in Terminology Processing*. – John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, 1990 – 254 p.
52. Savory T. H. *The language of science*. – London, 1967. – 184 p.
53. Tack, L. Translation and the Dialectics of Difference and Equivalence: Some Theoretical Propositions for a Redefinition of the Source-Target Text Relation. /

- L. Tack // Meta : journal des traducteurs = Meta : Translator's Journal. – 2000.
–Vol. 45, n. 2 – pp. 210-227
54. Thoiron, Ph., Béjoint, H. La terminologie, une question des termes ? /
Ph. Thoiron [et al.] // Meta : journal des traducteurs = Meta : Translator's
Journal. – 2001. – Vol. 55, n. 1. – pp. 105-118
55. Visson, Lynn. From Russian Into English: An Introduction to Simultaneous
Interpretation. 2nd edition. – Focus Publishing, R.Pullins and Company,
Newburyport MA, 1999. – 213 p.

Справочные издания и словари

1. ТСЕ – Большой современный толковый словарь русского языка. 2006, Ефремова Т.Ф. 180 тыс. статей.
2. БЭНГ – Большая энциклопедия нефти и газа [Электронный ресурс]. / НПЦ Знание 2017. – Режим доступа: <http://www.ngpedia.ru/index.html>, свободный. – Загл. с экрана.
3. ODE – Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford University Press 2005. 355 000 словарных статей.
4. TERMIUM Plus® [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.btb.termiumplus.gc.ca/tpv2alpha/alpha-eng.html?lang=eng>, свободный. – Загл. с экрана.
5. NATO Glossary of Terms and Definitions (English and French). / NATO Standardization Agency (NSA), 2013. AAP-06.

Список источников примеров

1. Выступление В. В. Путина на Всемирном энергетическом конгрессе в Стамбуле 10 октября 2016 года

Русская версия: Мировой энергетический конгресс в Стамбуле [Видеозапись и текст]. – Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Администрация Президента России, 2017. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53062>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: LIVE: Leaders speak at World Energy Congress 2016 in Istanbul [Videorecording]. – RT [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=KWkxehLY5pQ&t=4942s&index=22&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiauyPimVZI>, свободный. – Загл. с экрана.

2. Сессия Международного дискуссионного клуба «Валдай», 22 октября 2015 года

Русская версия: Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Видеозапись и текст]. – Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Администрация Президента России, 2017. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50548>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: Meeting of the Valdai International Discussion Club [Videorecording and text] – Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Администрация Президента России, 2017. – Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/50548>, свободный. – Загл. с экрана.

3. Сессия Международного дискуссионного клуба «Валдай», 27 октября 2016 года

Русская версия: Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Видеозапись и текст]. – Официальные сетевые ресурсы Президента России. – Администрация Президента России, 2017. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: Meeting of the Valdai International Discussion Club [Videorecording and text] – Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/53151>, свободный. – Загл. с экрана.

4. Пресс-конференция Сергея Лаврова и Джон Керри по итогам переговоров в Москве 15 декабря 2015 года

Русская версия: Пресс-конференция Сергея Лаврова и Джона Керри. Полная версия [Видеозапись]. – Россия 24 [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа:

https://www.youtube.com/watch?v=s8t_xkr4yAQ&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=2, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: Secretary Kerry and Foreign Minister Lavrov Meet in Moscow [Videorecording]. – U.S. Department of State [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gYb-DHDV2WY&index=1&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI>, свободный. – Загл. с экрана.

5. Пресс-конференция Сергея Лаврова и Джон Керри по итогам переговоров в Москве 15 июля 2016 года

Русская версия: Пресс-конференция Лаврова и Керри по итогам переговоров [Видеозапись]. – RT [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа:

<https://www.youtube.com/watch?v=DVloauJTasM&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=3>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: LIVE: Lavrov and Kerry hold a joint press conference in Moscow – English [Videorecording]. – Ruptly TV [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа:

<https://www.youtube.com/watch?v=1BhQ4jqozr8&index=4&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI>, свободный. – Загл. с экрана.

6. Пресс-конференция Сергея Лаврова и Джон Керри по итогам переговоров в Женеве 9 сентября 2016 года

Русская версия: Пресс-конференция Лаврова и Керри по итогам переговоров по Сирии [Видеозапись]. – RT на русском [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа:

<https://www.youtube.com/watch?v=fTU2v7I5360&index=6&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: LIVE: Lavrov and Kerry to hold Syria talks in Geneva - Press conference [Videorecording]. – Ruptly TV [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа:

https://www.youtube.com/watch?v=Jw7oNE_gukE&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=5, свободный. – Загл. с экрана.

7. Выступления глав государств на пленарной сессии форума «Арктика – территория диалога» в Салехарде 25 сентября 2013 года

Русская версия: III Международный арктический форум в Салехарде [Видеозапись]. – RT на русском [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа:

<https://www.youtube.com/watch?v=KwHA0zY9TVU&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=10>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: Vladimir Putin. Speech at the plenary session of the Third International Arctic Forum The Arctic [Videorecording]. – KREMLIN NEWS [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=rd_BlQjGs48&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=9, свободный. – Загл. с экрана.

8. Выступления глав государств на пленарной сессии форума «Арктика – территория диалога» в Архангельске 30 марта 2017 года

Русская версия: Форум «Арктика – территория диалога» с участием Владимира Путина [Видеозапись]. – RT на русском [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа:

https://www.youtube.com/watch?v=1Ia17_k9Yok&index=7&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI,

https://www.youtube.com/watch?v=rd_BlQjGs48&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=9

свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: LIVE: Putin talks at Intl Artic Forum in Russia [Videorecording]. – RT [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=-Vvz9_veeUM&index=8&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI,

www.youtube.com/watch?v=-Vvz9_veeUM&index=8&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI,

свободный. – Загл. с экрана.

9. Пресс-конференция Сергея Лаврова и Хилари Клинтон по итогам переговоров 13 июля 2011 года

Русская версия: Хиллари Клинтон встретила с Сергеем Лавровым [Видеозапись]. – Голос Америки [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Xa4iGlvBkGU&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=12>,

www.youtube.com/watch?v=Xa4iGlvBkGU&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=12,

свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: Secretary Clinton Delivers Remarks with Russian Foreign Minister Lavrov [Videorecording]. – U.S. Department of State [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Fzjz9gjH01Y&index=11&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI>,

10. Совместное заявление для прессы В. В. Путина и Нарендры Моди по итогам переговоров в Гоа 15 октября 2016 года

Русская версия: Совместное заявление для прессы Владимира Путина и Нарендры Моди [Видеозапись]. – RT на русском [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа:

<https://www.youtube.com/watch?v=eIb4lj9WOFg&index=14&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: LIVE: Press statement by Modi and Putin in Goa [Videorecording]. – Ruptly TV [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_bxXnLn27_A&index=13&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI, свободный. – Загл. с экрана.

11. Выступление Манмохана Сингха в МГИМО в 2013 году

Русская версия: Выступление М.Сингха в МГИМО (рус.) [Видеозапись]. – МГИМО МИД России [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=qaaRCowc5pQ&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=17>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: М.Сингх - почетный доктор МГИМО (англ.) [Видеозапись]. – МГИМО МИД России [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Ed_Aci7gxHo&index=18&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI, свободный. – Загл. с экрана.

12. Выступление Дмитрия Медведева на панельной дискуссии Мюнхенской конференции в феврале 2016 года

Русская версия: Выступление Дмитрия Медведева на панельной дискуссии Мюнхенской конференции по вопросам политики ... [Видеозапись]. – Власть [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=wz5QPu2GbRg&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=24>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: Prime Ministers' Debate with Manuel Valls and Dmitry A. Medvedev M.S.C 2016 [Videorecording]. – Abdalla Warmahaye [канал

пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=2EHBTj-QgCE>, свободный. – Загл. с экрана.

13. Пресс-конференция Дмитрия Медведева и Дэвида Кэмерона по итогам переговоров в Москве 12 сентября 2011 года

Русская версия: Пресс - конференция Медведева и Кэмерона [Видеозапись]. – Temur Bjanja [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gMws8LxUwi4&t=1436s&index=20&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: President Medvedev and PM Cameron's press conference in Moscow [Videorecording]. – russianembassy [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=c0cNWJtJnzo&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=19>, свободный. – Загл. с экрана.

14. Пресс-конференция Сергея Лаврова и М. Нкоана-Машабане по итогам переговоров в 2013 году

Русская и английская версии: Пресс-конференция МИД России С.В.Лаврова и ЮАР М.Нкоана-Машабане [Видеозапись]. – Власть [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=QFq65nit_js&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=21, свободный. – Загл. с экрана.

15. Пресс-конференция Сергея Лаврова и Рекса Тиллерсона по итогам переговоров в Москве

Русская версия: Пресс-конференция Сергея Лаврова и Рекса Тиллерсона [Видеозапись]. – RT на русском [канал пользователя Youtube]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ReklLFwWU30&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiayiPimVZI&index=26>, свободный. – Загл. с экрана.

Английская версия: Lavrov, Tillerson press conference after talks in Moscow (FULL) [Videorecording]. – RT [канал пользователя Youtube]. – Режим

д о с т у п а : <https://www.youtube.com/watch?v=yVsTCEy1IOI&index=25&list=PLLCIWbxNshI4F7W54RAX1qQiyiPimVZI>,
свободный. – Загл. с экрана.

Список сокращений

Источники примеров

WEC 2016 – Выступление В. В. Путина на Всемирном энергетическом конгрессе в Стамбуле 10 октября 2016 года.

Valdai 2015 – Сессия Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2015 год

Valdai 2016 – Сессия Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2016 год

AF 2017 – Выступления глав государств на пленарной сессии форума «Арктика – территория диалога» в Архангельске 30 марта 2017 года

AF 2013 – Выступления глав государств на пленарной сессии форума «Арктика – территория диалога» в Салехарде 25 сентября 2013 года

LKM 2015 – пресс-конференция Сергея Лаврова и Джон Керри по итогам переговоров в Москве 15 декабря 2015 года

LKM 2016 – пресс-конференция Сергея Лаврова и Джон Керри по итогам переговоров в Москве 15 июля 2016 года

LKG 2016 – пресс-конференция Сергея Лаврова и Джон Керри по итогам переговоров в Женеве 9 сентября 2016 года

PMG 2016 – Совместное заявление для прессы В. В. Путина и Нарендры Моди по итогам переговоров в Гоа 15 октября 2016 года